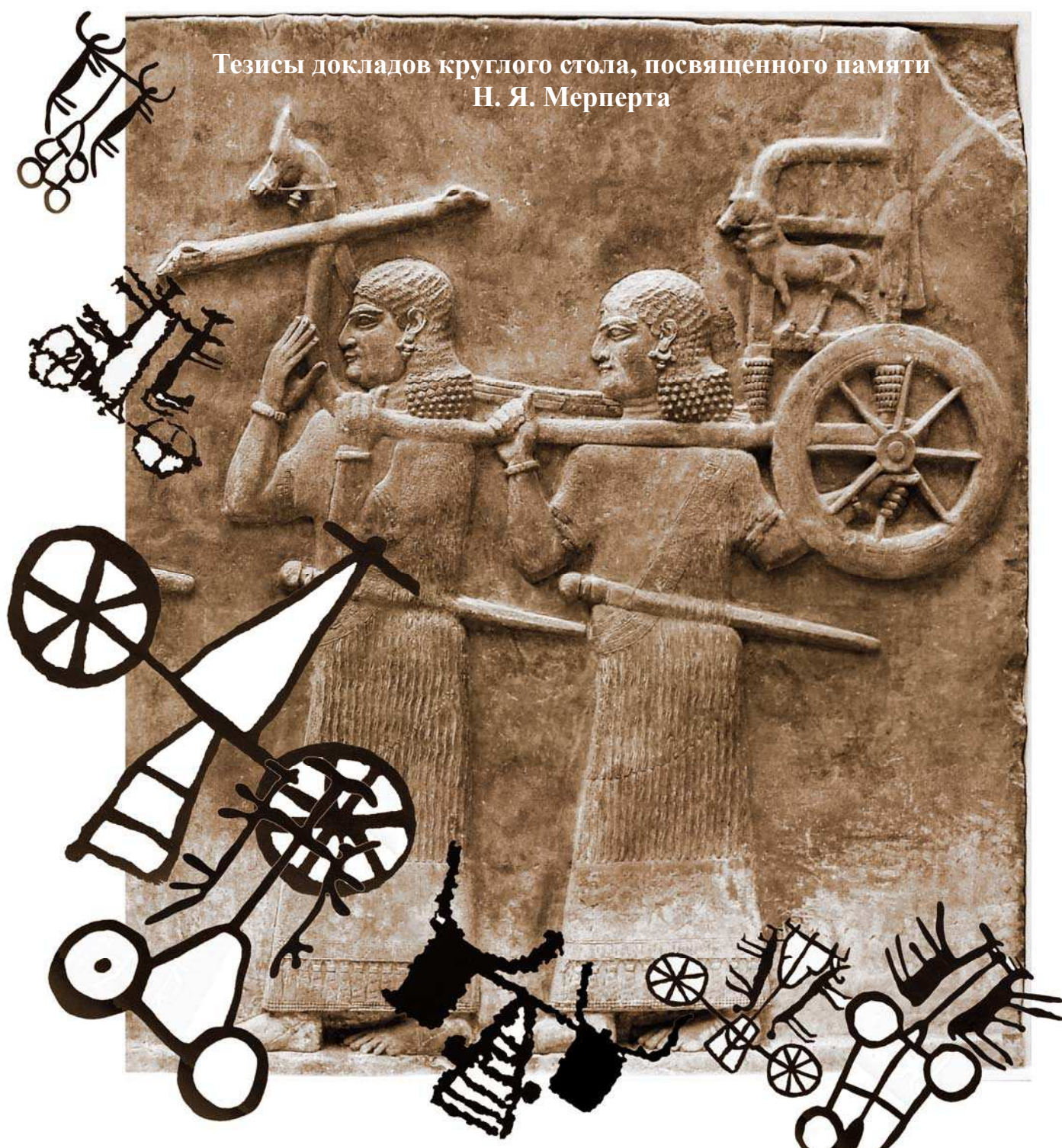

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ЦЕНТРЫ И ПЕРВОБЫТНАЯ ПЕРИФЕРИЯ В ЭПОХУ РАННЕГО МЕТАЛЛА: МОДЕЛИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Тезисы докладов круглого стола, посвященного памяти
Н. Я. Мерперта

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

**ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ЦЕНТРЫ
И ПЕРВОБЫТНАЯ ПЕРИФЕРИЯ
В ЭПОХУ РАННЕГО МЕТАЛЛА:
МОДЕЛИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ**

**Тезисы докладов круглого стола, посвященного памяти
Н.Я. Мерперта**

5–7 февраля 2013 г.

Москва 2013

УДК 902/903
ББК 63.4
Ц57

Утверждено к печати Ученым советом ИА РАН

Ответственный редактор
к. и. н. *А. Н. Гей*

Рецензенты:
к. и. н. *М. В. Андреева*, к. и. н. *Ю. В. Лунькова*

Ц57 **Цивилизационные** центры и первобытная периферия в эпоху раннего металла: модели взаимодействия. Тезисы докладов круглого стола, посвященного памяти Н.Я. Мерперта. – М.: ИА РАН, 2013. – 40 с.
ISBN 978-5-94375-143-1

Сборник тезисов докладов круглого стола дает представление о новых работах специалистов-археологов по изучению вопросов развития и взаимодействия древних культур различных районов Евразии. Большинство докладов касается вопроса о том, какое место занимают археологические памятники нашей страны и стоящие за ними древние общества в истории и культуре Старого Света.

Сборник предназначен для археологов, этнографов, историков первобытного общества, а также всех, кто интересуется вопросами древней истории.

УДК 902/903
ББК 63.4

ISBN 978-5-94375-143-1

© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт археологии Российской академии наук, 2013
© Авторы докладов (фамилии выделены в содержании), 2013

СОДЕРЖАНИЕ

Авилова Л.И. (<i>ИА РАН, Москва</i>). О кладе Нахаль Мишмар и его культурном контексте	5
Амиров Ш.Н. (<i>ИА РАН, Москва</i>). Поселение Телль Хазна I в свете исследований последних лет	6
Антонова Е.В. (<i>ИБ РАН, Москва</i>). Анауская культура и цивилизация Окса: динамика контактов	7
Балабина В.И. (<i>ИА РАН, Москва</i>). Возможности статистического анализа массовой керамики на раннебронзовых горизонтах телля Юнаците	8
Бородовский А.П. (<i>ИАЭТ СО РАН, Новосибирск</i>). Престижная деревянная утварь с металлическими накладками афанасьевской культуры Саяно-Алтая	10
Брилева О.А. (<i>ГМИНВ, Москва</i>). К вопросу о появлении бронзовой антропоморфной пластики на Кавказе в эпоху поздней бронзы	11
Гак Е.И. (<i>ГИМ, Москва</i>). Поселение Рыкань 3 в контексте памятников катакомбной общности восточноевропейской лесостепи	12
Гей А.Н. (<i>ИА РАН, Москва</i>). «Южный след» в памятниках майкопской культуры Западного Кавказа	13
Гирченко Е.А. (<i>ИАЭТ СО РАН, Новосибирск</i>). К вопросу о межкультурных взаимодействиях в Сычуаньской котловине	15
Грушин С.П. (<i>АлтГУ, Барнаул</i>). К вопросу о границах этнокультурных образований в степном и лесостепном Обь-Иртыше	16
Иванова С.В. (<i>ИА НАН Украины, Киев</i>). Северо-Западное Причерноморье в контексте европейской цивилизации раннего бронзового века	17
Илюков Л.С. (<i>ЮНЦ РАН, Ростов-на-Дону</i>). Константиновская культура: взаимодействие двух традиций в эпоху раннего металла на Нижнем Дону	18
Клещенко А.А. (<i>ИА РАН, Москва</i>). К проблеме происхождения погребального обряда северокавказской культуры	20
Корневский С.Н. (<i>ИА РАН, Москва</i>). Понятия «цивилизация», «протоцивилизация» в применении к археологии энеолита и начала бронзового века Переднего Востока, Кавказа и юга Восточной Европы V–III тыс. до н.э.	21
Лысенко С.Д., Лысенко С.С. (<i>ИА НАН Украины, Киев</i>). Новые исследования Войцеховского могильника	24
Мельник В.И. (<i>ИА РАН, Москва</i>). Ранние цивилизации и фазы развития культур эпохи бронзы степей Восточной Европы	25
Моргунова Н.Л. (<i>ОГПУ, Оренбург</i>). Радиоуглеродная хронология ямной культуры Волжско-Уральского междуречья	26

Панасюк Н.В. (<i>РУДН, Москва</i>). К вопросу о культурных связях эпохи средней бронзы	28
Поплевко Г.Н. (<i>ИИМК РАН, Санкт-Петербург</i>). Технология изготовления майкопской керамики	29
Пярых Г.Г. (<i>ИА РАН, Москва</i>). Земледелие энеолита – бронзы как индикатор классогенеза	31
Резепкин А.Д. (<i>ИИМК РАН, Санкт-Петербург</i>). Влияние Переднего Востока на формирование эпохи ранней бронзы на Северном Кавказе	32
Рындина Н.В. (<i>МГУ, Москва</i>), Равич И.Г. (<i>ГосНИИР, Москва</i>). Литейные и кузнечные приёмы в металлопроизводстве майкопских племен Северного Кавказа .	34
Трифонов В.А. (<i>ИИМК РАН, Санкт-Петербург</i>), Крайнева А.А. (<i>ИА РАН, Москва</i>), Зайцева Г.И. (<i>ИИМК РАН, Санкт-Петербург</i>), Плихт Х. (<i>Университет Гронингена, Нидерланды</i>), Богомолов А. А. (<i>ИГГД РАН, Санкт-Петербург</i>), Бурова Н.Д. (<i>ИИМК РАН, Санкт-Петербург</i>), Семенов А.А. (<i>ИИМК РАН, Санкт-Петербург</i>), Ришко С.А. (<i>ИИМК РАН, Санкт-Петербург</i>). Дольмен «Шепси» и ранние формы коллективных мегалитических гробниц на Северо-Западном Кавказе в эпоху бронзы	37
Щапова Ю.Л. (<i>МГУ, Москва</i>). Бронзовый век в макромасштабной модели археологической эпохи	38
Сокращения	40

О КЛАДЕ НАХАЛЬ МИШМАР И ЕГО КУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ

Клад из пещеры Нахаль Мишмар в пустыне Негев (*Bar-Adon*, 1980) широко известен как богатейший комплекс, уникальный по составу и морфологии находок. Его значение для понимания истории ранней металлургии и металлообработки меди трудно переоценить. Именно этот памятник определяет облик металлургии данного периода. Комплексные исследования предметовклада вместе с изучением древних медных рудников в Тимне и Фейнана позволили по-новому оценить масштаб и уровень металлопроизводства IV тыс. до н. э. в Южном Леванте (*Tadmor, Kedem et al.*, 1995).

В составеклада 429 предметов, из них 416 бронзовых (261 булава, 115 наверший разнообразных форм, 10 «корон», 19 тесел, 6 втульчатых топоров необычных форм, 5 сосудов). Формы многих вещей необычайно сложны, они отлиты по восковой модели на высоком техническом уровне.

Имеются результаты 63 спектральных анализов состава металла изклада; материал делится на четыре химические группы:

- 1) металлургически «чистая» медь – 12 анализов;
- 2) сплав с высоким содержанием сурьмы и мышьяка – 30;
- 3) сплав с высоким содержанием никеля и мышьяка – 9;
- 4) мышьяковая бронза – 12.

Прослежена зависимость состава от функции предмета: орудия изготовлены чаще из меди, престижные предметы – из сурьяно-мышьякового сплава, что свидетельствует о двух производственных традициях (*Shalev*, 1991). Ряд образцов мышьяковых бронз отличаются высоким содержанием никеля. Такой сплав хорошо известен в Месопотамии и Сузиане. Уникальна для своего времени группа с высокой концентрацией сурьмы. Несомненно, в развитии местного металлопроизводства важную роль сыграла близость богатейших источников меди Фейнан и Тимна.

Чтобы приблизиться к ответу на вопрос – как и почему могло возникнуть столь развитое производство в сельских общинах Палестины в IV тыс. до н. э., следует рассмотреть морфологию и функциональное назначение изделийклада.

1. *Орудия и оружие.* Это тесла распространенных типов. Имеются и символически значимые изделия (втульчатый топор – реплика каменного). Булавы сферические или грушевидные изготовлены методом литья по восковой модели. Имеются и булавы уникальных форм – дисковидные, треугольная.

2. *Навершия.* Это те же булавы, но с литой цилиндрической втулкой и рельефной поверхностью, что придает им большой декоративный эффект. Некоторые навершия имеют яркие антропо- и зооморфные черты. Находки отдельных орнаментированных булав на поселениях говорят о том, что такие предметы могли служить практическим целям.

3. *Предметы несомненно культового назначения* – «короны» – несут изображения рогов, головок животных, птиц, «ворот». П. Мури (*Moorey*, 1988) предлагает трактовать «короны» как модели круглоплановых сооружений, вероятно загонов для скота, что находит параллели в месопотамской глиптике, или как мест, предназначенных для выставления умерших (отсюда изображения птиц, возможно коршунов). Трактовка соответствует погребальной практике культур Гхассул-Беершева.

4. *Сосуды-рога и сосуды обычных форм*, но также литые по восковой модели.

Следует обратить внимание на то, какие категории инвентаря не представлены вкладе. Это украшения, шилья, крючки, иглы, ножи. Нет драгоценных металлов, хотя в это время использовались серебро и золото, последнее циркулировало в форме стандартных слитков (Нахаль Кана).

Комплекс не может быть интерпретирован как «клад литейщика», поскольку в нем отсутствует лом, предназначенный для переработки. Это и не набор вещей, изготовлен-

ных для обмена, – такие комплексы включают изделия стандартных, широко известных форм. Клад Нахаль Мишмар практически не дает сведений об организации ремесленного производства.

Клад следует расценивать как первичную форму накопления и хранения богатства; сокровище, принадлежавшее местной общине и спрятанное в момент опасности. Поэтому он включает набор изделий, предназначенных как для практического использования, так и для ритуальных целей. Комплекс, скорее всего, хранился в местном культово-административном центре, как это известно по синхронным материалам из Восточной Анатолии (Арслантепе VIA). На роль такого общинного центра может претендовать святилище Эйн Геди (*Ussishkin, 1971; 1980*).

Для трактовки клада важно, что в месопотамских текстах III тыс. до н. э. имеются сведения о контроле храмовой администрации над использованием металлических изделий. Последние выдавались работникам храмового хозяйства для сезонных работ, поврежденные централизованно отправлялись на переработку (История древнего Востока, 1983. Ч. I. Месопотамия). Таким общественным богатством, включавшим в том числе предметы практического назначения (орудия, оружие, знаки высокого социального статуса), скорее всего и был клад Нахаль Мишмар. Комплекс является ценным источником по социально-экономическому развитию Палестины IV тыс. до н. э. в связи с обсуждением темы о путях развития храмовой экономики в различных регионах Древнего Востока.

Ш.Н. Амиров
(ИА РАН, Москва)

ПОСЕЛЕНИЕ ТЕЛЛЬ ХАЗНА I В СВЕТЕ ИССЛЕДОВАНИЙ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ

1. Поселение Телль Хазна I находится в нижней части русла реки, которая носит название Вади Ханзир и является правым притоком Джаг-Джага, который в свою очередь является основным притоком Хабура. Район Телль Хазны I находится в средней части зоны рискованного неполивного земледелия, исключительно зависимого от климатических колебаний.

2. Разведки, проведенные вдоль нижней части русла Вади Ханзира до широты Чагар Базара, позволили документировать периоды заселения района в интервале VII–II тыс. до н. э. Благодаря разведкам также выделены три размерные группы поселений, которые могут говорить о начале сложения в первой четверти III тыс. до н. э. поселенческой иерархии и о начале формирования в регионе системы администрирования.

3. В этом контексте община Телль Хазны I может быть охарактеризована как автохтонная популяция, населявшая регион нижнего течения Вади Ханзира с начала IV тыс. до н. э. В развитии экономики она опиралась исключительно на местные земледельческие ресурсы, и к началу III тыс. до н. э. достигла достаточно высокого уровня социальной организации и администрирования. Об этом свидетельствуют монументальная общественная архитектура и функции распределения общественного продукта, сосредоточенные в руках общинной элиты.

4. Центральную часть поселения Телль Хазна I составляет комплекс массивных, плотно примыкающих друг к другу сооружений культового характера, которые образуют в плане овал неправильной формы. Завершение оформления архитектуры огороженного участка – «теменоса», – подчиненного единому плану, и функционирование всех его сооружений как частей единого «организма» относятся к рубежу IV–III тыс. до н. э. Начало разрушения этой единой системы может относиться к началу периода РД 1. В общей сложности храмовый комплекс Телля Хазна I функционировал около 250 лет, до середины периода РД 1.

5. Традиционно считается, что перераспределительная система хранения общественного продукта, равно как и становление цивилизации в Хабурской степи, впервые фиксируются во второй половине III тыс. до н. э. Однако данные, полученные на Телль Хазне I, свидетельствуют о том, что Хабурская степь знала два периода общественной (протогосударственной) консолидации. Первый из них, датируемый рубежом IV–III тыс. до н. э., пока отмечен только в юго-восточной части «хабурского треугольника». Причем, признаки усложнения общественной организации могут быть зафиксированы не только в протогородских центрах, таких как Телль Брак, но и в сельских храмовых поселениях типа Телль Хазны I.

6. Несмотря на то что становление цивилизации в Хабурской степи Северной Месопотамии обрело завершённую форму в течение второй половины III тыс. до н. э., имеющиеся археологические материалы позволяют исследовать длительный формационный процесс, непосредственно предшествовавший становлению государственности в регионе, и его динамику.

Проводниками модели государственного строительства в Хабурской степи были поселения Телль Брак и Хамукар, тесно связанные товарным обменом с наиболее крупными центрами Ассирийской степи – и опосредствованно с Южной Месопотамией – начиная с раннеурукского времени. Жители поселений, расположенных в непосредственной близости от Телль Брака, не могли не испытывать влияний, идущих из этого центра. К числу таких поселений принадлежит группа теллей, расположенных вдоль нижнего течения Вади Ханзир, и среди них Телль Хазна I. Судя по полученным данным, процесс обособления общинной элиты Телль Хазны I был достаточно долгим и завершился на рубеже IV и III тыс. до н. э. возведением монументального архитектурного комплекса, служившего административным и культовым целям.

7. Процессы экономического и социального развития во второй половине IV тыс. до н. э. в Хабурской степи проходили на фоне исключительно благоприятных климатических условий. Это позволяло населению южной части «хабурского треугольника» использовать значительную часть общественного труда в непроизводительных целях, направляя их в частности на монументальное общественное строительство. Однако, несмотря на отмеченные признаки раннегосударственной консолидации, процесс сложения государства не имел своего продолжения из-за наступления очередного цикла аридизации климата. Результатом этого стало уменьшение материальных возможностей общины и разрушение ее социальной организации. Окончательно обитатели Телль Хазны I были вынуждены покинуть поселение около 2700 г. до н. э., в конце периода РД 1, когда иссушение климата не оставило возможности для неполивного земледелия.

Е.В. Антонова
(ИВ РАН, Москва)

АНАУСКАЯ КУЛЬТУРА И ЦИВИЛИЗАЦИЯ ОКСА: ДИНАМИКА КОНТАКТОВ

Одна из наиболее благоприятных исследовательских ситуаций по проблеме конференции связана с регионом бытования означенных культур. Трансформации контактов прослеживаются на протяжении V–II тыс. до н. э. В отличие от долин великих рек, где возникли первые цивилизации, жизнь здесь сосредоточивалась в оазисах по относительно небольшим водотокам. Уже в раннем и среднем энеолите путем обмена получали ценные материалы – золото, серебро, алебастр, сердолик, лазурит. До позднего энеолита (начало III тыс. до н. э.) вмещающая экосистема позволяла обитать в основном в подгорной полосе Копет-Дага. Затем происходит расширение контактов, расселение от долины Зеравшана до Систана, делаются попытки проникновения в долину Мургаба. В эпоху Намазга III предполагают появление колесного транспорта, одомашнивание верблюда,

возникает отгонное скотоводство. Анаусцы сблизилась с месопотамо-эламским миром поры «урукской экспансии» – времени возникновения городов-государств, когда складывается дихотомия «центр – периферия».

Обитатели первых государств остро нуждались в минеральном сырье, обменные связи стимулировали социально-экономическое развитие «периферии». Показатель этого – распространение лазурита, на путях обмена которым находилась анауская культура (в Месопотамии он появился около середины IV тыс. до н. э.). В эпоху ранней и развитой бронзы усиливаются контакты в направлении долины Инда и с эламо-месопотамским миром. Рост населения и начало ксеротермического периода вызвали запустение подгорной полосы и перемещение населения около середины III тыс. до н. э. в долину Мургаба.

Здесь и на прилегающих территориях складывается Бактрийско-маргианский археологический комплекс (БМАК – по В.И. Сарияниди), или цивилизация Окса (по А.П. Франкфор). Трудности интерпретации этого интереснейшего феномена – чрезвычайное богатство и разнообразие вещей, погребальных комплексов и сооружений. Общепризнанна преемственность части материальной культуры от бытовавшей в подгорной полосе. Высшие формы цивилизации (П. Амье) – предметы роскоши, каменные и металлические изделия – обнаруживаются на обширной территории Внешнего Ирана. Она складывалась на основе общих судеб и развитого обмена во второй половине III – начале II тыс. до н. э. от Персидского залива через Керман, долину Гильменда до Южной Туркмении, Бактрии и Горгана. Стимулирующую роль играли контакты с Эламом. В.И. Сарияниди связывает сложение БМАК с «мощной миграцией арийцев», что маловероятно.

Согласно другому подходу, акцент делается на развитии местных традиций, восходящих к второй половине IV тыс. до н. э. – времени сложения «лазуритового пути» (Л.Б. Кирчо). Маргиана занимала монопольное положение на торговом пути, предшественнике Великого Шелкового, по которому распространялись металлы и минералы, столь необходимые во многих регионах. Вероятно, торговля осуществлялась посредством караванов верблюдов и ослов, частично колесного транспорта. По-прежнему значительную роль в ней играет лазурит.

Торговлей на далекие расстояния можно объяснить погребения с оружием, возможно, тех, кто мог, в частности, охранять караваны. Обилие оружия отличает это время от предшествующего. Для реконструкции состояния общества важны находки погребений, свидетельствующих о пришельцах из отдаленных мест, вплоть до гиксосского Авариса.

Безусловно, в Маргиане существовало сложно структурированное общество с элитой, по всей видимости жречеством, ремесленниками, создававшими высокохудожественные и сложные вещи. Скорее всего, среди них были пришлые, как и среди торговцев. Погребальные и другие обряды сопровождались человеческими жертвоприношениями. Соблазнительно видеть, как полагает А.П. Франкфор, в Маргиане царство Маргуш месопотамских текстов XXIV–XVIII вв. до н. э. В них фигурируют представители элиты, цари, воины-наемники, упоминаются происходящие из нее изделия. Языковая принадлежность «маргушцев» далека от ясности. В любом случае, здесь место «периферических» образований занял «центр», который можно рассматривать как цивилизационный.

В.И. Балабина
(ИА РАН, Москва)

ВОЗМОЖНОСТИ СТАТИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА МАССОВОЙ КЕРАМИКИ НА РАННЕБРОНЗОВЫХ ГОРИЗОНТАХ ТЕЛЛЯ ЮНАЦИТЕ

На многослойных памятниках, таких как телли, при широкой площади раскопок в равной мере целесообразны стратиграфические и планиграфические исследования *суммарного* распределения керамики. При этом стоит учитывать соотношение сложной кон-

фигурации площадок теллей и наложенной квадратной сетки, используя понятие «условно целые» квадраты.

На телле Юнаците раскопано шестнадцать горизонтов эпохи бронзы, относящихся к РБВ I–III. На верхних горизонтах (I–X) поквратно подсчитывалась только *отобранная* керамика. На горизонтах XI – XVI/XVII стали суммарно считать и весь прочий материал. Соответственно, для этих горизонтов легко восстановить выборки керамики (N) и средние значения для них (Avg), важные и для стратиграфической, и для планиграфической оценки. Установлено, что для горизонтов XVI/XVII–XI «отсев» керамики не превышал 40%. На большинстве верхних горизонтов выборки *отобранной* керамики крайне скудны, поэтому можно и здесь допустить «отсев» порядка 40–50% и приблизительно восстановить *полные* выборки керамики.

Суммарное распределение керамики по горизонтам. На фоне распределения *отобранной керамики* построен реконструктивный график ее *полного* распределения, с учетом предполагаемых вариаций. Все кривые отражают общую тенденцию сокращения массовой керамики от РБВ I к РБВ III, но не линейную, а скорее скачкообразную. График распределения средних (Avg) «на квадрат» для *отобранных* и *восстановленных* выборок демонстрирует близкие тенденции. При этом оба графика фиксируют период своеобразной стабильности объемов выборок для конца РБВ I и начала РБВ II (XV–XII горизонты).

Собственно средние значения на всех горизонтах поразительно низкие – от 34 до 138 единиц для квадрата 5×5 м. При переводе в «условный м²» они варьируют от 1 до 5. Эта особенность выборок не проявляется при их общем сопоставлении и ранжировании от большего к меньшему.

Стратиграфическое распределение керамики вполне соответствует распределению по горизонтам РБВ хозяйственных сооружений. При совмещении двух кривых довольно четко видна граница, приходящаяся на середину РБВ II, по-разному отраженная в распределении и керамики, и хозяйственных сооружений, но не совпадающая с периодизацией РБВ, основанной на морфологии керамики.

Закономерности стратиграфического распределения керамики и хозяйственных сооружений в определенной мере согласуются с особенностями планиграфии горизонтов. Комплексные палеоэкологические исследования позволяют объяснить эти тенденции климатическими изменениями. По-видимому, интенсивность хозяйственной деятельности сокращалась по мере аридизации климата.

Планиграфическое распределение керамики в горизонтах РБВ. Анализ планиграфии целесообразен только на шести нижних горизонтах РБВ (XVI/XVII – XI), где можно восстановить поквратные выборки. На каждом горизонте $Avg \pm 1\sigma$ сравнивались с количеством керамики в квадратах. Если наблюдаемые значения попадали в доверительный интервал, они считались «средними», если оказывались ниже, – «малыми», если выше – «относительно высокими». Подсчитаны также $Avg + 2\sigma$, $Avg + 3\sigma$, позволяющие оценить насыщенность керамикой всех шести горизонтов как крайне низкую. Данное утверждение справедливо и для концентраций, определяемых как «скопления».

Планиграфия массовой керамики на нижних горизонтах РБВ выявляет неожиданную картину. Во всех поселках действительно почти не было мусорных скоплений, столь обычных для большинства поселенческих памятников самых разных эпох. Фиксировавшиеся на телле керамические скопления малой мощности неплохо соотносятся с комплексами хозяйственных сооружений в постройках, часто существовавших на одних и тех же местах на разных горизонтах. Сами комплексы оказывались разными, поскольку варьировали и составляющие, и их количество.

Одним из наиболее назидательных результатов приведенного анализа стоит признать явную недостаточность только стратиграфического соотнесения выборок «в целом на горизонт». Действительно, их относительное убывание следует увязывать не только с тенденциями в хозяйственной деятельности, но и с изменяющимися, в силу естественных причин, площадями свиты горизонтов.

К сожалению, нет никакой информации о насыщенности керамикой культурных слоев первой половины РБВ на других балканских теллях. Поэтому остается гадать, сколь специфична картина, наблюдаемая на Юнаците.

А.П. Бородовский
(ИАЭТ СО РАН, Новосибирск)

ПРЕСТИЖНАЯ ДЕРЕВЯННАЯ УТВАРЬ С МЕТАЛЛИЧЕСКИМИ НАКЛАДКАМИ АФАНАСЬЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ САЯНО-АЛТАЯ

Металлические накладки с пуансонным рельефным орнаментом в ряде афанасьевских погребений Саяно-Алтая достаточно давно интерпретируются как детали деревянной посуды. В Южной Сибири эти предметы встречаются от нижней Катунь (Бородовский, 2006) до среднего Енисея (Вадецкая, 1986, С. 19. Табл. 2, 7; Грязнов, 1999. С. 49. Рис. 6, 8, 20, 21, 25; Поляков, 2010, С. 154. Рис. 9). Большинство медных накладок имеют форму овала и несколько крепежных отверстий по краю. Декор внешней поверхности представлен многорядным пуансонным рельефным орнаментом. Изделия со среднего Енисея снабжены медными гвоздиками, закрепленными в отверстия на краях металлических накладок. Одна из кромок таких накладок может быть загнута, что соответствует обкладке устья сферического блюда или чаши (Поляков, 2010. С. 154, 155). В ряде случаев парные медные накладки имели ровные края, что характерно для металлических деталей, помещенных на стенки аналогичных деревянных сосудов. Сходные детали оформления деревянной посуды хорошо известны среди материалов срубной и катакомбной культур на Украине (Ремесло... 1994. С. 145, 146. Рис. 43), а также скифских древностей Северного Причерноморья (Ильинская, Тереножкин, 1983. С. 115, 130]. Аналогии эпохи раннего железа только на первый взгляд могут показаться слишком «отдаленными». Дело в том, что для целого ряда вместилищ из органических материалов (дерева, рога, кожи) эпохи раннего железа существуют прямые аналогии в памятниках эпохи бронзы. В качестве одного из примеров можно привести роговые плоские блюда скифского времени, встречающиеся от Северного Кавказа (Петренко, Маслов, 1999) до Южного Урала (Смирнов, 1964, С. 64; 1981, С. 78. Рис. 6, 3), Обь-Иртышского междуречья, Верхней Оби (Могильников, 1997. С. 94. Рис. 63, 1).

По мнению А.В. Полякова, значительное количество достаточно ценной меди, использованное для металлических накладок деревянных сосудов афанасьевского времени Саяно-Алтая, вряд ли позволяет считать их деталями, изготовленными исключительно для ремонта. Скорее всего, металлические накладки с пуансонным орнаментом являются показателями престижности (Поляков, 2010. С. 155). Поэтому вполне корректно поставить вопрос о престижности или элитарности афанасьевской деревянной утвари с металлическими накладками с пуансонным декором. Широкое распространение этих изделий от нижней Катунь (Горный Алтай) до среднего Енисея (Хакасия) позволяет рассматривать такиекладки в качестве еще одного признака сходства (Степанова, 2010) памятников афанасьевской культуры этих двух регионов Саяно-Алтая.

Наряду с этим такая деревянная утварь с металлическими накладками может рассматриваться и в рамках обсуждения проблем моделей взаимодействия цивилизационных центров и периферии в эпоху раннего металла. Позднее, в эпоху раннего железа, аналогичные деревянные вместилища будут дополнены импортными металлическими сосудами, подчеркивающими архаичность и традиционность емкостей с металлической отделкой из органических материалов. Вероятно, для эпохи раннего металла Евразии деревянные сосуды с металлическими накладками являются одной из универсалий, отражающих инновационные технологические тенденции как на территории формирующихся цивилизационных центров, так и на первобытной периферии.

ЛИТЕРАТУРА

- Бородовский А.П.*, 2006. Афанасьевские памятники нижней Катунь // Погребальные и поселенческие комплексы эпохи бронзы горного Алтая. Барнаул.
- Вадецкая Э.Б.*, 1986. Археологические памятники среднего Енисея. Л.
- Грязнов М.П.*, 1999. Афанасьевская культура на Енисее. Л.
- Ильинская В.А., Тереножкин А.И.*, 1983. Скифия VII–IV вв. до н. э. Киев.
- Могильников В.А.*, 1997. Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тыс. до н. э. М.
- Петренко В.Г., Маслов В.Е.*, 1999. Роговые блюда могильника Новозаведенное II // Евразийские древности: 100 лет Б.Н. Гракову: Архивные публикации, статьи. М.
- Поляков А.В.*, 2010. Памятники афанасьевской культуры на северном берегу озера Итколь (Республика Хакасия) // Афанасьевский сборник. Барнаул.
- Ремесло эпохи энеолита – бронзы на Украине. Киев, 1964.
- Смирнов К.Ф.*, 1964. Савроматы. М.
- Смирнов К.Ф.*, 1981. Богатые захоронения и некоторые вопросы социальной жизни кочевников Южного Приуралья // Материалы по хозяйству и общественному строю племен Южного Урала. Уфа.
- Степанова Н.Ф.*, 2010. Афанасьевская культура горного Алтая и Енисея: погребальный обряд и керамика (сходство и различие) // Афанасьевский сборник. Барнаул.

О.А. Брилева
(ГМИНВ, Москва)

К ВОПРОСУ О ПОЯВЛЕНИИ БРОНЗОВОЙ АНТРОПОМОРФНОЙ ПЛАСТИКИ НА КАВКАЗЕ В ЭПОХУ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ

Появление бронзовой антропоморфной пластики на Южном Кавказе зафиксировано в XV–XI вв. до н. э. Зона ее распространения совпадает с ареалом существовавшей в XV–XIII вв. до н. э. лчашено-тсителгорийской культуры, выделенной Р.М. и М.Р. Абрамишвили (*Abramishvili*, 2008. Р. 351–363). Для нее характерны якоревидные подставки с зооморфным навершием на шаровидном шарнире (жезлы), мечи кедабегского типа, подвески с крестовидным пересечением, подвески в виде птиц, чашевидные пластины, ажурные дисковидные подвески, ажурные подвески с вогнутой односторонней подставкой. Ареал этой культуры охватывает Нахичевань на юге, Мингечаур на востоке, Шилду на севере и проходит по руслу р. Кура на востоке. Формирование культуры происходило под сильным влиянием Хеттского царства. Ее погребальный инвентарь находит аналогии среди материалов могильника Аладжа Хююк на севере центральной Турции (*Abramishvili*, 2008. Р. 354).

Одним из специфических признаков лчашено-тсителгорийской культуры являлись культовые жезлы в виде якоревидной подставки с антропоморфным или зооморфным навершием, крепившимся с помощью шаровидного шарнира. Антропоморфные фигуры изображали воинов и колесничих. Жезлы и фигуры на них отличает сложная техника изготовления, детальная проработка небольших элементов и наличие сюжетной композиции. Антропоморфные навершия фиксируются в археологическом материале Южного Кавказа в XV–XIV вв. до н. э. (курганы 1, 9, 10 Лчашен, п. 7 могильника Лори-Берд, курган 1 Гараджамерли, п. 17 некрополя I Ширикаванского могильника) и встречены в единичном экземпляре спустя 6 веков: в погребальной зале 1 Трельского могильника, датированного VIII–VII вв. до н. э. Здесь обнаружен схожий предмет, выполненный в более примитивной технике. Он представляет собой антропоморфный силуэт грушевидной формы, закрепленный с помощью шаровидного шарнира на округлой подставке, полый внутри. Появление погребальных зал Трельского могильника Р. Абрамишвили связывает

с передвижением разных этнических групп с территории Азербайджана и северо-западного Ирана (*Абрамишвили*, 1978. С. 19). Вероятно, некоторые традиции лчашено-тсителгорийской культуры существовали еще длительное время после завершения ее существования за пределами Кавказа.

К XIV–XIII вв. до н. э. относится происходящая из кенотафа (п. 21 могильника Лори-Берд) скульптура воина в виде ручки, приклепанной к бронзовой чаше. Фигура воина изготовлена отдельно, от ее спины отходит ручка, конец которой приклепан к чаше. С противоположной стороны к чаше приклепан козлик. Чаши схожей формы, но без приклепанных фигур, встречаются на территории Армении.

К XIII в. до н. э., пройдя путь от наверхия культового жезла и ручки чаши, на Кавказе в составе погребального инвентаря и среди материалов святилищ появляется самостоятельная скульптура. Она демонстрирует две диаметрально противоположные техники изготовления – сложную и примитивную, причем первая предшествует второй. В сложной технике выполнены статуэтки из п. 65 Трельского могильника, святилища Мелаани и окрестностей крепости Нор-Баязед. Изготовленные в примитивной технике статуэтки происходят из святилищ Шилда, Мели-Геле I и могильника Мзетамзе.

Е.И. Гак
(ГИМ, Москва)

ПОСЕЛЕНИЕ РЫКАНЬ 3 В КОНТЕКСТЕ ПАМЯТНИКОВ КАТАКОМБНОЙ ОБЩНОСТИ ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ

В эпоху средней бронзы восточноевропейская лесостепь являлась северной периферией расселения пастушеских племен катакомбной общности. Наиболее плотно ими было освоено лесостепное Подонье. В отличие от южных, степных территорий здесь в массовом числе открыты не только могильники, но и поселения. Одно из них – Рыкань 3, которое благодаря своей информативности и степени изученности может стать ключевым в оценке хозяйственно-бытовых традиций лесостепной части «катакомбного мира».

1. Ландшафтно-топографические особенности поселения, занимавшего остропленную низкую террасу берега р. Усмань, сопоставимы с условиями расположения пойменных и других низкотеррасных поселков. Такие поселки относятся к разным этапам «катакомбного» освоения лесостепи и существовали наряду с высокорасположенными (мысовыми), хотя для поздних этапов отмечается тенденция к сокращению числа первых относительно вторых в связи с подъемом уровня рек (*Ивашов*, 2002).

2. Культурный слой основной площадки поселения не несет следов существенного антропогенного вмешательства. Материальные остатки в нем, включая органические, залегают практически *in situ*. Уверенности в этом добавляет суглинистая структура слоя, переходящего в супесь лишь на западном крае поселения. Степень сохранности культурных отложений выгодно отличает Рыкань 3 от основной массы низкорасположенных катакомбных поселков, слои которых потревожены и/или имеют илесто-песчаную структуру (*Пряхин*, 1982; *Юдин*, 2003; *Санжаров*, 2010; и др.).

3. Широкомасштабными раскопками (вскрыто около 1332 м²) на поселении выявлен выразительный комплекс стационарных объектов, в том числе остатки пяти наземных построек, находившиеся в них и вне их очаги, кострища, ямы разного назначения. На основной площадке размещение построек демонстрирует кольцевую планировку вокруг культовой ямы, заполненной пирогенными отходами (золой, очажным прокалом). По другим катакомбным поселениям данные об организации пространства слишком фрагментарны.

Все постройки поселения были каркасно-столбовыми, полуземляночного типа и не углубленными. Подобные им известны на катакомбных поселениях лесостепи (*Бессуднов*, *Ивашов*, 2002; *Ивашов*, 2005; *Санжаров*, 2010). Особенностью рыканских построек с неуглубленным полом является наличие в центре котлована, функционировав-

шего как погреб. В стенке одного такого котлована находилась строительная жертва – задняя конечность собаки. Культовый смысл, возможно, имело и оставление тесаного камня при входе в другую, целиком наземную, постройку.

На поселении выявлено множество открытых очагов и кострищ, часть которых располагалась за пределами построек. Аналогичная ситуация зафиксирована на многослойном Проказинском поселении в Подонцовье, но связь очагов с катакомбными материалами там неоднозначна (Санжаров, 2010).

4. Посуда и вещи поселения Рыкань 3 в целом характерны для среднедонской катакомбной культуры. В керамике преобладают черты, отмечаемые у сосудов из погребений и поселений ее развитого этапа (Пряхин, Матвеев, Беседин, 1991). Архаичные проявления единичны. Посуда с поздними признаками приурочена в основном к постройке западной окраины поселка и, очевидно, маркирует заключительную стадию его существования.

В вещевом комплексе примечательна серия разнообразных пряслиц. В погребениях эти предметы встречаются крайне редко (Синюк, Матвеев, 2007), а на поселениях они часто переотложены и не верифицируются как катакомбные.

В составе кремневого инвентаря хронологически значимы наконечники стрел – миндалевидный выемчатый и асимметричный с коротким черешком. Они находят параллели в погребениях средне- и позднекатакомбного периода (Братченко, 2006), в том числе лесостепных, датируемых вторым (развитым) этапом среднедонской культуры (Синюк, 1996).

Каменный инвентарь включает целые и в обломках ударные орудия, среди которых лишенный проушины топор-молоток обушкового типа, широко распространенного именно у катакомбного населения (Санжаров, 1992). К инструментам с абразивной функцией, кроме обычных песчаниковых плиток, относятся подработанные на сломках фрагменты сосудов.

Костяные изделия малочисленны, что типично для катакомбных поселений лесостепи. Это долотовидные орудия, обломки гарпунов, окончание орнамента, наконечник дротика из продольно расколотой трубчатой кости.

Металлических предметов всего два: пластинка и изогнутое четырехгранное шило. По данным рентгено-флуоресцентного анализа, шило сделано из меди, как и большинство катакомбных орудий лесостепной зоны, металл которых определялся специальными методами.

5. Радиоуглеродные даты поселения, как и ряд дат по другим памятникам среднедонской культуры (Мимоход, 2009; Гей, 2011), пока не подтверждают утвердившегося мнения о ее сравнительно позднем образовании и заставляют предполагать синхронность процессов культуругенеза в катакомбном ареале на рубеже раннего и позднего этапов среднего бронзового века.

А.Н. Гей
(ИА РАН, Москва)

«ЮЖНЫЙ СЛЕД» В ПАМЯТНИКАХ МАЙКОПСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЗАПАДНОГО КАВКАЗА

1. Вопросы о южных элементах, компонентах или влияниях в майкопской культуре раннего периода бронзового века Северного Кавказа насчитывают без малого сто лет. В последние 3–5 лет обсуждение их заметно оживилось в связи с появлением новых материалов, отражающих южные, передневосточные или, более узко, месопотамские, влияния на культурные процессы и культуры Закавказья и Восточного Кавказа. Речь идет об убейдских или позднеубейдских влияниях, о так называемой урукской экспансии и особенно о феномене лейлатепинской культуры, ее характеристиках, ее месте и т. д. В ходе

обсуждения наметились (прежде всего у наших коллег из Азербайджана) некие крайности, стремление к ликвидации майкопской культуры как самостоятельного явления, к поглощению ее лейлатепинским Левиафаном (Н. Мусеибли).

Не претендуя на масштабные обобщения, рассмотрим некоторые выразительные находки из Прикубанья и Кавказского Причерноморья – или из западной части майкопского ареала, – имеющие непосредственное отношение к теме.

2. Таковы, прежде всего, находки каменных печатей. Первая бусина-печать с изображением рогатого животного и ветвящейся фигуры (олень и дерево?) была обнаружена в одном из майкопских погребений курганного могильника Красногвардейское в равнинной части Адыгеи (Нехаев, 1986). Вторая, относящаяся к разновидности цилиндрических, найдена на поселении Чекон (Анапский р-н) в 2011 г. (Бочковой, Марченко, Лимберис, Резепкин, 2012). Стоит вспомнить в этой связи и находку на Нижнем Дону (курган «Радутка») бусины-амулета или печатки в комплексе, относимом к «северной периферии майкопско-новосвободненской общности» (Яценко, 2012).

Вопросы типологии и хронологии ближневосточных печатей разработаны недостаточно подробно для однозначной привязки наших образцов. В самом общем виде соответствия для них имеются среди разнотипных печатей убейдского, урукского и раннединастического периодов.

3. Представляют интерес находки расписной майкопской керамики на памятниках в окрестностях Новороссийска. По данным А.В. Шишлова и А.П. Кононенко, такие сосуды имеются в коллекции поселений Натухаевское 3 – Грин 9 и на Дюрсо I. Во всех случаях роспись нанесена красной или темно-красной краской на оранжевые или розовато-красные поверхности. Несколько аналогичных фрагментов имеются в коллекции поселения Мысхако I (Восточный холм), относящегося к культуре жемчужно-накольчатой керамики, т. е., скорее всего, к более раннему времени.

4. Наличие «кувшинных» захоронений в лейлатепинской культуре заставляет с вниманием отнестись к сходным находкам на Западном Кавказе. Таковы одно из погребений курганной группы «Терминал» на Тамани (курган 12, п. 5), в котором останки младенца в скорченном положении на правом боку и с ЮЗ ориентировкой были помещены в сосуд майкопского облика (Лимберис, Бочковой, 1993).

Другой пример – Старонижестеблиевская 1/11 (Анфимов, 1987). Захоронение младенца в сильно скорченном положении на правом боку, с руками перед лицом и южной ориентировкой, помещено в сероглиняный лепной горшок. Сам сосуд реставрировать не удалось, но внутри него у головы ребенка стоял круглодонный серо-коричневый сосудик приземистых пропорций с резко отогнутым наружу венчиком.

5. Еще одна тема связана с необычными могильными конструкциями. В 1978 г. у х. Коржевский Славянского р-на Краснодарского края В.А. Сафроновым были раскопаны 2 кургана с раннемайкопскими погребениями (Сафронов, 1979). При множестве неясностей, связанных с низким уровнем раскопок и фиксации, очевидно, что два погребения (13 и 14) в кургане 2 были совершены на прямоугольных «площадках» из обожженной глины, покрытых, по описанию, прямоугольной сеткой черных полосок от обожженной решетки. Остатки еще одной такой же «площадки» отмечены неподалеку в рисовом чеке (на месте еще одного снесенного кургана?). Очевидно, речь идет о выкладках из прямоугольных глиняных блоков-кирпичей с заполненными темным материалом (угли? чернозем?) щелями между ними. Вопрос об обжиге остается открытым, не исключено, что кирпичи могли быть и сырцовыми. Не вполне ясно, находились ли «площадки» в ямах или без них. Ясно одно – данный памятник является на сегодняшний день единственной прямой аналогией сырцовым гробницам азербайджанского Союг-Булага (Ахундов, Махмудова, 2008).

6. Не стоит забывать и находящийся в западной части ареала эпонимный памятник – сам Майкопский курган, замечательные образцы украшений и металлических сосудов из которого, несмотря на отсутствие прямых параллелей по стилю, набору и богатству, неизменно сопоставлялись с ближневосточными образцами изобразительного искусства, с определенным акцентом на материалы Восточной Анатолии и Северной Месопотамии.

тамии (Андреева, 1979). С Прикубаньем связана и вторая по богатству и выразительности находка такого характера – клад из станицы Старомышастовской.

7. Суммируя сказанное, можно заметить, что в настоящее время майкопские памятники Западного Кавказа, наиболее удаленные от лейлатепинских и закавказских «прототипов», являют собой определенное средоточие свидетельств контактов с южными культурами, превосходя, пожалуй, в этом отношении майкопские памятники иных районов (Ставропольской возвышенности, Кавминвод, долины Терека). Это может указывать на распространение южных влияний, а возможно, и групп мигрантов, не только через Дербентский проход и перевальную зону Центрального Кавказа, но и другими (черноморскими?) путями, с привлечением анатолийских участников или контрагентов. Вероятность оформления особой причерноморской контактной зоны еще в домайкопское время (появление первых образцов крашеной керамики на Мысхако), в свою очередь, подводит к выводу о том, что контакты культур Северного и Южного Кавказа и Анатолии имели свою развернутую историю и не сводятся к одномоментному приходу урукских или лейлатепинских «беженцев» на новые земли.

Е.А. Гирченко
(ИАЭТ СО РАН, Новосибирск)

К ВОПРОСУ О МЕЖКУЛЬТУРНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯХ В СЫЧУАНЬСКОЙ КОТЛОВИНЕ

Сычуаньская котловина, расположенная на юго-западе Китая в среднем и верхнем течении р. Янцзы, со всех сторон окружена горами – хребтами Циньлин и Дабашань на севере, Юньнань-Гуйчжоуским плоскогорьем на юге. Район всегда представлял собой довольно самостоятельную природную и культурную единицу, закрытую от остального мира.

В 1986 г. в местечке Саньсиндуй уезда Гуанхань провинции Сычуань КНР были обнаружены две прямоугольные ямы, в которых найдено порядка 900 предметов из бронзы, золотой фольги, нефрита, камня, а также раковины каури, слоновьи бивни и керамика. Находки из бронзы включают в себя фигуру стоящего человека больших размеров, интерпретированную как статуя правителя государства Шу, бронзовые антропо- и зооморфные головы и личины, «священный алтарь», сосуды для жертвенной утвари, колокольчики, клевцы, фигурки животных, украшения и два дерева. Кости животных и многие предметы были перед погребением обожжены, что привело китайских исследователей к выводу о связи ям с церемонией жертвоприношения. Обе ямы обнаружены в пределах укрепленного городища площадью 10 км². Находки позволили выделить особую культуру, датируемую второй половиной II тыс. до н. э. Памятник Саньсиндуй называют столицей древнего государства Шу, о котором рассказывают легенды народов Сычуани (Саньсиндуй... 1999. С. 9).

Этническая принадлежность населения Шу до сих пор вызывает многочисленные дискуссии. Антропоморфные фигуры выполнены в традиции, не похожей на существовавшую тогда на территории Китая. К тому же, в Сычуаньской котловине нет возможности проследить стадийное развитие культуры, мы видим уже развитую и самобытную культуру эпохи бронзы, что приводит к возникновению различных теорий появления ее в данной местности.

Мы предлагаем разделить бронзовые изделия Саньсиндуй на три группы. Первая группа имеет прямые аналогии в шанском Китае среднего Хуанхэ, к ней относится бронзовая жертвенная утварь (кит. *цзунь*, *лэй*). Другая группа – это предметы типично шуского облика, характерные только для Сычуаньской котловины, например клевцы без бородки с треугольным бойком. Третий тип, например бронзовые статуи или предметы из золотой фольги, не имеет прямых аналогий на территории Китая. При этом антропоморф-

ные фигуры значительно превосходят по качеству и сложности исполнения клевцы, копья, мечи и другие ритуальные предметы. Их истоки – это наиболее важный, но пока не имеющий определенного ответа вопрос.

Некоторые ученые видят в этих антропоморфных изображениях европеоидные черты и связывают с миграцией на восток индоевропейских народов (Кравцова, 2003. С. 103), вполне возможны и другие интерпретации (например, американоидность). При этом истоки некоторых очевидно привнесенных атрибутов культуры Саньсиндуй – таких как, например, стилизованные колеса, особенности изображения носа, щек, использование краски на лицах, браслеты на руках и ногах (Цюй, Ли, Дуань, 1993. С. 498) – можно найти на Ближнем Востоке. Китайские исследователи соотносят такие этнически значимые характеристики, как одежда, прическа, головной убор и головные украшения, с элементами традиционной культуры *шцзу*. Также можно выделить в составе культуры *Саньсиндуй* отдельные черты, характерные для этнографии аустрических народов: например, внушительный набор бронзовых голов можно интерпретировать как реминисценции охоты за головами (Комиссаров, Гирченко, 2012).

ЛИТЕРАТУРА

Комиссаров С.А., Гирченко Е.А., 2012. Саньсиндуй: земля бронзовых исполинов // Вестник НГУ. Новосибирск. Сер.: Ист., филолог. Т. 11. Вып. 6.

Кравцова М. Е., 2003. История культуры Китая. СПб.

Саньсиндуй цзисыкэн [Жертвенные ямы Саньсиндуй]. Пекин, 1999. (На кит. яз.)

Цюй Сяоцян, Ли Дяньюань, Дуань Юй, 1993. Саньсиндуй вэньхуа [Культура саньсиндуй]. Чэнду. (На кит. яз.)

С.П. Грушин
(АлтГУ, Барнаул)

К ВОПРОСУ О ГРАНИЦАХ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ В СТЕПНОМ И ЛЕСОСТЕПНОМ ОБЬ-ИРТЫШЬЕ

За последние 30 лет на территории лесостепного и степного Обь-Иртышья накоплен значительный археологический материал, относящийся к последней четверти III – первой четверти II тыс. до н. э. (Кирюшин, 2002; Молодин, 1985; и др.). Новые данные позволяют уточнить и скорректировать имеющиеся в научной литературе представления об этнокультурном облике населения юга Западной Сибири обозначенного периода. В работе на основе выявленных диагностирующих признаков рассматриваются границы и некоторые особенности этнокультурных образований.

Основной массив памятников степного и лесостепного Обь-Иртышья относится к кротовско-елунинской общности, которая определяется, прежде всего, едиными стереотипами в орнаментации керамической посуды, особенностями предметного комплекса и хозяйства, погребальным обрядом. Среди таких показателей наиболее значимыми можно считать: наличие двух орнаментальных традиций в керамике – «шагающе-гребенчатой» и «отступающей палочки»; производство и использование специфических форм костяных наконечников стрел – изделий с выраженным упором для древка в виде сужения в нижней части пера; и др. К этой группе памятников относятся наиболее исследованные поселения Березовая Лука, Колыванское I, Черноозерье IV, VI, Кротово VII/VIII и др., могильники Телеутский Взвоз I, Елунино I и др.

В Барабинской лесостепи население кротовско-елунинской общности граничило с племенами, оставившими могильники Сопка II, Тартас I, Абрамово II. Погребальный обряд и керамика, вещевой комплекс, антропология, направление хозяйства резко отли-

чаются от кротовско-елунинских. Данную культурную группу можно обозначить как «сопкинскую».

На востоке граница распространения «чистых» памятников елуниинской культуры определяется правым берегом Оби. Данная территория была контактной зоной с инокультурным населением. Об этом говорят смешанные керамические материалы из поселенческих комплексов на оз. Уткуль – Костенкова Избушка, Коровья Пристань I–III, поселений Комарово I, Боровое III, Аэродромное, Енисейское, Малоугренево, Усть-Кажа и др. Кроме традиционной елуниинской посуды там встречена керамика, близкая к крохалевской, другая группа керамики носит ярко выраженные черты гребенчато-ямочной традиции; эту группу памятников можно условно назвать «уткульской». Отличие данных памятников проявляется не только в орнаментации посуды, но и в направлении хозяйства, возможно, в погребальном обряде.

Наиболее южным несмешанным елуниинским комплексом является слой 10 памятника Денисова Пещера. Керамические комплексы с более южных поселений Усть-Куям и Тьткескен VI на Средней Катунь, которые отнесены к елуниинской культуре, демонстрируют более смешанный характер. Вероятно, проникновение отдельных елуниинских групп на Среднюю Катунь происходило именно через Бийское Приобье. Характер контактов с местным населением, проживавшим в Горном Алтае, определить пока сложно по причине слабой изученности памятников бронзового века Горного Алтая.

Западную границу кротовско-елунинской общности отмечают одиночные погребения и поселения, близкие по своим параметрам к елуниинским памятникам Верхнего Приобья. К западу от Иртыша общность граничила, вероятно, с населением петровской культуры Центрального и Северного Казахстана. С юго-запада – с населением чемурчекской культурой традиции, которая была распространена на территории Западной Монголии, Синьцзяна, Верхнего Прииртышья (*Ковалев, 2005*).

Для каждого региона распространения кротовско-елунинской историко-культурной общности характерны свои особенности, которые определяются природно-климатическими условиями и контактами с инокультурным населением сопредельных территорий.

ЛИТЕРАТУРА

Ковалев А.А., 2005. Чемурчекский культурный феномен: его происхождение и роль в формировании культур эпохи ранней бронзы Алтая и Центральной Азии // *Западная и Южная Сибирь в древности*. Барнаул.

Кирюшин Ю.Ф., 2002. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. Барнаул.

Молодин В.И., 1985. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск.

Статья подготовлена в рамках проекта 2012-1.1-12-000-3001-017 НОЦ «Алтай в трансграничном пространстве Северной Азии (древность, средневековье современность)».

С.В. Иванова
(*ИА НАН Украины, Киев*)

СЕВЕРО-ЗАПАДНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ В КОНТЕКСТЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ РАННЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА

Северо-Западное Причерноморье раннего бронзового века традиционно включается в ареал ямной культурно-исторической общности. Исследователи отмечают достаточно выраженное своеобразие в материальной культуре погребальных памятников региона. Оно объясняется контактами с предшествующими усатовскими племенами и влиянием культур Карпато-Балканского региона: выделена особая буджакская культура (*Черняков, 1979; Черняков, Тоцев, 1985*). Обосновывается концепция, в соответствии с которой Се-

веро-Западное Причерноморье являлось в бронзовом веке особой контактной зоной между крупнейшими историческими общностями древности, а выгодное географическое положение благоприятствовало установлению контактов с населением сопредельных и удаленных территорий (Дергачев, 1989). Существует и другая точка зрения – о периферийности этого ареала и влиянии новотиторской культуры на формирование своеобразия памятников Северо-Западного Причерноморья (Гей, 2000).

Я. Махник предполагает во второй половине III – начале II тыс. до н. э. сложение в рамках Карпато-Дунайского ареала особого культурного феномена – Центральноевропейской цивилизации раннего бронзового века (Early Bronze Age Central European Civilization). В этом ареале выделяются три региона: 1) нижний Дунай, культура Schnekenberg-Glina III; 2) средний Дунай, культуры Nyírség, Makó-Kosihy-Čaka, CzepeI, Pítvarosz, Early Nagytev; 3) северные отроги Карпат и юго-запад Словакии, культура Chlopice-Vesele, Bell Beakers Culture (культура колоколовидных кубков), поздний этап. В культурах, составляющих этот комплекс, проявляются общие черты в керамическом ассамбляже, металлических артефактах, элементах погребальной обрядности (Machnik, 1991. P. 173–185). Металлургия, по мнению исследователя, является одним из важнейших факторов, стимулирующих мобильность населения, контакты между человеческими коллективами, содействуя их быстрому развитию (Ibid. P. 185).

Сравнение керамического ассамбляжа и металлических артефактов населения буджакской культуры с синхронными материалами культур Карпато-Подунавья позволяет предположить, что буджакская культура по многим своим параметрам вполне сопоставима с культурами Центральноевропейской цивилизации раннего бронзового века. Весомым аргументом является и выделение в регионе ямно-усатовского очага металлообработки, базировавшегося на рудах Карпато-Балканского ареала.

При этом погребальная обрядность буджакской культуры идентична распространенной в ямной КИО.

Л.С. Ильюков
(ЮИЦ РАН, Ростов-на-Дону)

КОНСТАНТИНОВСКАЯ КУЛЬТУРА: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ДВУХ ТРАДИЦИЙ В ЭПОХУ РАННЕГО МЕТАЛЛА НА НИЖНЕМ ДОНУ

1. На заре бронзового века в Нижнем Подонье в результате взаимодействия носителей двух культурных традиций – местной, среднестоговской, и пришлой, майкопской, – появляются памятники константиновской культуры, выделенной В.Я. Киашко.

Эпонимное поселение было открыто на правом берегу Дона у г. Константиновска. Аналогичные находки константиновского типа обнаружены на правобережье нижнего Дона (Самсоновское, Раздорское I, Ливенцовское I). Константиновское поселение было исследовано почти на 90%. Кроме бытовых памятников, здесь обнаружены подкурганые захоронения (Ростов, Богоявленовка, Кастырский и др.). Ареал этой культуры – бассейн Нижнего Подонья. Константиновское поселение занимало площадку 60×100 м на невысокой террасе Дона. С двух сторон она была защищена балками, а с третьей – крутым склоном самой террасы. Не совсем ясно ограждение поселения с напольной стороны. Более 10 наземных построек располагались по периметру этой площадки, оставляя свободной ее центральную часть. Население поселка занималось не только разведением домашних животных (крупного и мелкого рогатого скота), но и промышляло охотой и рыбной ловлей. Культурный слой был напичкан панцирными пластинками, что характерно и для других поселений этого типа. По-видимому, черепахи использовали в пищу. Найден большой ассортимент орудий труда, предметов вооружения и отходов, полученных при их изготовлении. Для изготовления кремневых инструментов использовалось сырье низкого качества.

Заготовкой для орудия являлся отщеп. На краю поселка обнаружены следы деятельности металлургов. Найдены фрагменты формы втульчатого топора, медные шилья, серебряная подвеска из двух колец разного диаметра, вложенных одно в другое.

Найдены глиняные очажные подставки и собрана большая коллекция керамики степного облика с примесью дробленой ракушки, песка, растительных волокон, а также высококачественной посуды без примесей, которая была хорошо обожжена до охристого цвета (3 группа керамики Константиновского поселения). В редких случаях она имела незначительную примесь ракушки, что позволило высказать предположение о ее местном, нижнедонском, производстве. Встречены фрагменты бракованной посуды этой группы керамики, что подтверждает ее производство на Нижнем Дону. В коллекции Константиновского поселения она составляла около 10%.

Большинство находок связано со степной культурой. Но некоторые предметы выполнены из материала неместного происхождения (скипетр, булава, украшения). В культурном слое найден кристалл горного хрусталя!

С территории поселения происходят около 700 наконечников, среди которых большую группу составляют «флажковидные» формы, которые связывают с майкопской культурой. Их местное производство доказывается сырьем, обилием незавершенных и бракованных экземпляров. Этот тип наконечников вторично использовался в качестве сверл. Обилие предметов вооружения, найденных на территории поселения, послужило основанием для предположения, что жизнь на нем внезапно прервалась. Она была непродолжительной, о чем свидетельствует толщина культурного слоя (около 0,3 м), обильно насыщенного археологическими находками (*Кияшко, 1994. С. 33–64*).

По предположению В.Я. Кияшко, в центральной части Константиновского поселения находилось святилище. Однако явных свидетельств его существования не выявлено. Здесь, около двух округлых ям, заполненных почти одной золой, обнаружены три крупных камня. Рядом с ними открыто безынвентарное погребение, расположенное на древнем горизонте. Взрослый человек был положен на правый бок в сильно скорченном виде и головой ориентирован на северо-запад. Его кисти находились у лица. По мнению В.Я. Кияшко, это было не обычное захоронение, а могила жертвы, связанная с расположенным рядом «алтарем» из камней (Там же. С. 39). Судя по степени скорченности, покойник был первоначально усажен, его ноги прижаты к груди, а пятки – к тазу, а в дальнейшем уложен на спину, головой на СЗ. Почти как «погребальная кукла»! Чем объяснить изменение традиционной ориентировки на противоположную, в сторону заходящего солнца?

Погребальная кукла была обнаружена в могильнике Новый (бассейн р. Сал), в кургане 132, где древнейшими являлись три погребения, по-видимому синхронные и принадлежавшие одной культуре. Они были ориентированы в восточный сектор. В одной из этих могил была захоронена настоящая погребальная кукла, сделанная из органических материалов. В двух других найдены останки двух человек, погребенных в сильно скорченном виде на спине, с поджатыми ногами. В этих двух могилах найдены фрагментированные флажковидные наконечники стрел, вероятно ставшие причиной гибели этих людей. Флажковидный наконечник стрелы обнаружен и около погребальной куклы, которая была опоясана бисерным поясом, а на грудь ее ниспадало ожерелье из зубов оленя (*Илюков, 1994*).

2. На Раздорском I поселении культурный слой (седьмой) константиновской культуры расположен между двух стерильных прослоек. Над ним лежал слой репинской культуры, а под ним – тонкий слой (6), в котором найдены темно-серая керамика с примесью тертой ракушки и фрагмент коричнево-красной керамики; черепки лощеные, имеют штампованный орнамент; в слое найдены также орудия на отщепах. В результате была четко определена стратиграфическая позиция константиновской культуры (*Кияшко, 1974; 1994*).

3. Изначально среди ранних подкурганых захоронений В.Я. Кияшко выделил группу погребений на спине или левом боку, с ориентировкой в восточный или северо-восточный сектор (группа V) (*Кияшко, 1974. С. 13*). В дальнейшем он уточнил ее рамки. К третьей группе он отнес скорченные захоронения на правом боку или скорченные на спине с ориентировкой в восточный сектор. Они впущены в курганы при основных по-

гребенях первой или второй групп. Инвентарь разнообразен. В том числе флажковидные наконечники стрел. Керамика – плоскодонные или круглодонные сосуды красного, серого и черного цветов с пачкающей или залощенной поверхностью. Тесто без примесей. Вместе с такой посудой встречались формы иной традиции: остродонные со штампованным орнаментом и примесью ракушки (*Кияшко*, 1994. С. 76). К этой группе относятся ряд погребений из Богоявленовского и Кастырского могильников, исследованных в низовьях р. Кагальник, притока Дона (*Житников, Ильюков*, 2002. С. 24).

4. В настоящее время исследователи считают, что константиновская культура сложилась в результате переселения с юга на север, в донскую степь, какой-то части населения майкопской культуры (*Корневский*, 2004. С. 94). В IV тыс. до н. э. донские просторы идеально соответствовали развивающейся экономике. Внедрение металла, пастушеское скотоводство и военная активность, – все эти факторы отразились в общественной структуре племен, проникших на правобережье Нижнего Дона и вступивших в активное взаимодействие с аборигенным населением.

ЛИТЕРАТУРА

Житников В.Г., Ильюков Л.С., 2002. Новые памятники эпохи раннего металла на правобережье Нижнего Дона // *Донская археология*. Ростов-на-Дону. № 1–2.

Ильюков Л.С., 1994. К вопросу о кенотафах эпохи энеолита // *Донские древности*. Азов. Вып. 2.

Кияшко В.Я., 1974. Нижнее Подонье в эпоху энеолита и ранней бронзы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.

Кияшко В.Я., 1994. Между камнем и бронзой: Нижнее Подонье в V–III тысячелетиях до н. э) // *Донские древности*. Азов. Вып. 3.

Корневский С.Н., 2004. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья. М.

А.А. Клещенко
(ИА РАН, Москва)

К ПРОБЛЕМЕ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА СЕВЕРОКАВКАЗСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Переход от раннего к среднему бронзовому веку в Предкавказье связан с быстрым угасанием яркой майкопской культуры, носители которой в течение тысячелетия представляли в Юго-Восточной Европе достижения ближневосточной цивилизации. Непосредственной причиной этого перехода стала «экологическая катастрофа», связанная с резкими климатическими изменениями начала суббореального периода. На смену майкопским оседлым земледельческо-скотоводческим племенам приходят носители традиций северокавказской культуры со скотоводческой формой хозяйства.

С самого первого появления понятия «северокавказская культура эпохи средней бронзы» проблема ее происхождения решалась на основании поиска синкретических майкопско-северокавказских комплексов, отражающих переходный этап в непрерывном автохтонном развитии культур бронзового века Северного Кавказа.

В то же время, в последние десятилетия феномен появления в Предкавказье погребений с вытянутыми на спине труположениями в ямах не раз привлекал внимание исследователей. Лейтмотивом их работ является поиск связи между погребальными обычаями северокавказской культуры и традициями постмариупольской культурной общности Северного Причерноморья.

Общий ареал памятников постмариупольской культуры занимает территорию всего

Северного Причерноморья – от низовьев Дуная до дельты Дона. Самой восточной группой постмариупольских памятников является «приазовская». Исследователи культуры связывают финал существования постмариупольских погребальных традиций с рубежом IV–III тыс. до н. э. На это же указывает и небольшая пока серия радиоуглеродных дат.

В настоящее время самые северные степные раннесеверокавказские комплексы начала III тыс. до н. э. связаны с районами степного Закубанья, Кубано-Егорлыкским междуречьем и верховьями Калауса и Маньча. Поиск более близких точек соприкосновения ареалов двух рассматриваемых культур осложняется неудовлетворительной степенью исследованности крайних степных районов Северо-Западного Предкавказья.

О чрезвычайном сходстве обряда, зафиксированного в ранних северокавказских и постмариупольских погребальных памятниках, можно судить по соотношению их основных характеристик: организация кладбища, конструкция, поза, ориентировки.

Яркой чертой погребальных обрядностей обеих культур можно считать их малокерамичность: ПМК – не более 21%, ранняя СКК – 25% случаев.

В то же время, основные категории погребального инвентаря поздней постмариупольской культуры не представлены в раннесеверокавказских комплексах. К близким же видам инвентаря следует отнести бронзовые листовидные ножи и шилья, а также костяные подвески с верхней петелькой и округлым утолщением внизу. Последних пока нет в раннесеверокавказских погребениях, однако представляется заманчивой разработка идеи о продолжении существования традиций подобных украшений уже в виде бронзовых каплевидных подвесок у степного населения Предкавказья.

Наконец, наиболее перспективным представляется сюжет, касающийся антропоморфной пластики. В постмариупольских погребениях встречен ряд комплексов с глиняными антропоморфными статуэтками так называемого «серезлиевского» типа, относящихся к позднему этапу культуры. В свою очередь, среди северокавказских материалов присутствует серия алебастровых антропоморфных статуэток. Они сосредоточены в долинах Кумы, Подкумка и Терека и имеют не самый ранний облик в рамках имеющейся в настоящее время периодизации северокавказской культуры. Обращает на себя внимание факт обнаружения обеих серий фигурок исключительно в детских и подростковых захоронениях или небольших по размеру погребальных ямах. И все-таки остается проблема значительного территориального и хронологического разрыва между «серезлиевской» и «северокавказской» антропоморфной пластикой. Однако указанные яркие параллели между двумя столь далекими друг от друга и все-таки подкупающе близкими при внимательном рассмотрении явлениями не позволяют пренебрегать дальнейшим изучением их взаимосвязи.

С.Н. Корневский
(ИА РАН, Москва)

ПОНЯТИЯ «ЦИВИЛИЗАЦИЯ», «ПРОТОЦИВИЛИЗАЦИЯ» В ПРИМЕНЕНИИ К АРХЕОЛОГИИ ЭНЕОЛИТА И НАЧАЛА БРОНЗОВОГО ВЕКА ПЕРЕДНЕГО ВОСТОКА, КАВКАЗА И ЮГА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ V–III ТЫС. ДО Н. Э.

В типологии этапов историко-культурного процесса важное место занимает понятие *цивилизация*. Оно имеет неоднозначные трактовки.¹ Ниже мы остановимся на нем специально, т. к. нас интересует, в каком смысле его возможно применять к археологическим источникам предгосударственного или раннего государственного периода, если речь заходит о культурах Ближнего Востока, Кавказа и иных сопредельных территорий в V–III тыс. до н. э.

Од-
ним

¹ Например, этап развития общества, имеющий свои признаки, или просто высокоразвитая культура.

из основных признаков цивилизации, согласно взглядам Л.Г. Моргана (1878) и И.М. Дьяконова (1979; 1983), является появление не только фонетического, но и словесно-слогового письма. В работе 1983 г. И.М. Дьяконов писал, что подлинные цивилизации возникли на юге Месопотамии, на юго-западе Ирана только в начале III тыс. до н. э. Вместе с тем, фундамент цивилизации на Ближнем Востоке был заложен ранее, в периоды археологических культур Убейда и Урука. Переход к цивилизации шел неравномерными темпами. В начале III тыс. до н. э. на севере Месопотамии культуры еще не переступили порог первобытности и оставались на более низкой ступени развития (Дьяконов, 1983).

Нам хотелось бы показать, как отразились в источниках археологии предшественники письменности в виде различных прорезных значков, даже если о них как о прообразе письма говорить еще преждевременно и мы можем воспринимать такие метки² только как феномены, связанные с хранением и передачей информации в твердом материале. Для Ближнего Востока – «фундамента цивилизации» и его периферии речь идет об особых прорезных знаках³ гончаров в культурах конца V – IV тыс. до н. э., которые рассматриваются как отражение стандартизации производства. Такие метки были известны у племен Восточной Анатолии, Верхней и Северной Месопотамии (по Trufelli, Frangipane). На Кавказе аналогичная знаковая система была присуща лейлатепинской культуре и представителям майкопско-новосвободненской общности (галногаевско-серегинского и отчасти долинского вариантов) (по Нариманову, Алиеву, Ахундову, Мусейбли, Торосьяну, Кореневскому). Похожая система знаков на керамике V–III тыс. до н. э. известна в районах Суз и Белуджистана в Иране (по Quiron, Potts). Для III тыс. до н. э. ее прослеживают в Тель Хазне I (по Мерперту, Мунчаеву) на Севере Месопотамии.⁴ Она присутствует на сосуде из гробницы T1 Арслантепе VIB1 и в иных местах. В конце III тыс. до н. э. в Иране и Индии геометрическая знаковая система легла в основу пиктографического протоэламитского и хараппского письма (Potts, 1981).

Другую систему передачи информации, скорее всего культового характера, представляют отмеченные Б.А. Куфтиным (1948) и Т.Н. Чубинишвили (1965) прорезные знаки-пиктограммы, образующие строку или текст, на керамике и, видимо, на алтаре (Пулур) куро-араксской культуры.

Прорезные знаки – пиктограммы геометрической формы – также известны у культур Балкано-Дунайского региона Винча C1, Марица, Сава, Поляница, Видра, Градешница с конца VI – середины V тыс. до н. э. и далее, у культур Гумельница – Караново VI – Варна – Коджадермен, т. е. до конца V тыс. до н. э. (Тодорова, 1986. С. 208, 209, 210, 211). Многие из них наносились на керамику. Вин Мак-Чесни называет даже эпоху энеолита Дунайского бассейна «халколитической цивилизацией», которая сформировалась независимо от влияния Месопотамии (Milton McChesney, 1973. P. 303). Более того, он подчеркивал, что в самом урукском периоде в Месопотамии (Южной) знаки на керамике были совершенно неизвестны (Ibid. P. 289).

Рассматривая историю археологических культур – носительниц подобных производственных и культовых знаковых систем на керамике, – мы считаем возможным применить к ним понятие *протоцивилизация*.⁵ Оно может существовать наравне с термином цивилизация, но как более древняя ступень в эволюции информатики. В таком случае понятие «цивилизация» по Л.Г. Моргану – И.М. Дьяконову приобретает в археологии, этнологии и истории вполне строгий смысл и будет соответствовать понятию *раннего*

---

² Оттиски или рисунки-образы как элементы орнамента мы сейчас не рассматриваем, т. к. появление письменности в Месопотамии и Иране не связано с изображением знака краской.

³ Имеются в виду метки геометрической формы или метки в виде отпечатка пальца.

⁴ В этом перечне мы не затрагиваем проблему сложения письменности в Древнем Египте как особую тему исследования. Знаки наподобие меток на керамике Ближнего Востока там также были известны на «прото-городской» керамике. В Мезоамерике в какой-то мере знаковая система нашла отражение в узелковом письме кипу у инков, но это был уже другой путь развития хранения и передачи информации.

⁵ Но эта ступень развития не называется «варварством», как следует из периодизации исторических эпох А. Фергюсона (1767) – Л.Г. Моргана (1878).

государства. Последний термин, *раннее государство*, вместе с тем имеет более широкую трактовку, затрагивающую также основу экономических отношений.⁶

Знаковые системы на керамике на стадии протоцивилизации возникли у оседлых и подвижно-оседлых земледельцев и скотоводов, достигших высокого уровня в агротехнике, обеспечивающей развитие родовых ремесел и культовых верований. На Переднем Востоке они распространялись у культур, уже знавших «язык и магию» отдельно поставленного знака – печати, еще одного индикатора протоцивилизации в области развития информатики и экономики. Именно протоцивилизации в V–IV тыс. до н. э. сформировали передовые центры становления металлургии и металлообработки меди, выработали формы эффективного оружия на медной основе, распространяясь вблизи от рудных регионов. Для них были свойственны крупные населенные пункты на равнине, телли или небольшие поселения, отражающие подвижно-оседлый образ жизни. Их носители, представители разных археологических культур, начали строить храмы в урукский период Месопотамии, возводить в Предкавказье огромные курганы и сложные мегалитические сооружения.

Цивилизации и протоцивилизации могли являться центрами культурного развития, которые оказывали существенное влияние на окружающую периферию в плане распространения достижений ремесла, престижных ценностей и военного дела вплоть до военной экспансии. Вместе с тем, они сами могли впитывать в себя достижения окружающих их культур, включая формы вооружения, культы и их материальное воплощение в виде изображения богов или мифологических персонажей. Поэтому понятие «центр и периферия», существуя в непрерывной связи, по данным археологии всегда требует конкретизации об их постоянном взаимодействии.

Понятия цивилизация и протоцивилизация могут рассматриваться в силу своей специфики только как одни из показателей различных сторон исторического прогресса в информатике культур, связанных с долговременной оседлостью или подвижно-оседлым образом жизни. Они не универсальны. Поэтому затянувшийся на многие тысячелетия предгосударственный период может быть отражен в иных терминах и понятиях догосударственного (первобытнообщинного) периода в зависимости от выбранных критериев сравнения для обозначения неодинаковых моделей своего развития (см., напр.: *ИПО*, 1983, 1986, 1988; *Семенов*, 1993а, б, в).

ЛИТЕРАТУРА

- ИПО*, 1983, 1986, 1988 – История первобытного общества. М.
Корневский С.Н., 2011. Феномен власти в обществах древних земледельцев и скотоводов (теория этнологии и археология // *КСИА*. Вып. 225. С. 175–188.
Семенов Ю.И., 1993а, б, в. Экономическая этнология. Т. I–III. М.
Семенов Ю.И., 1993г. Переход от первобытного общества к классовому: пути и варианты развития (часть I) // *ЭО*. №1. С. 52–70.

Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ 11-01-00131а.

---

⁶ *Раннее государство* – это интерплеменная организация сословного, иерархического общества с экономикой, основанной на праве индивидуальной (частной) и коллективной (общинной) собственности, на специализированных производствах **и с эквивалентом обмена продукции, исчисляемым в драгоценных металлах на вес** (далее, помимо специальной литературы на эту тему, см. также: *Семенов*, 1993в. С. 572–588; *Семенов*, 1993г; *Корневский*, 2011). Ю.И. Семенов также отмечает особое понятие в процессе становления государства, такое как «прагосударство» (*Семенов*, 1993в. С. 583), Что это такое по данным археологии, думаю – особая тема. Этап раннего государства заканчивается с введением монетарной системы, формально – начиная с VI в. до н. э.

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ВОЙЦЕХОВСКОГО МОГИЛЬНИКА

Взаимодействие населения Правобережной лесостепи с культурами Карпато-Подунавья, находившимися в непосредственном соприкосновении с цивилизационными центрами Восточного Средиземноморья, наиболее ярко прослеживается по материалам могильников комаровской культуры тшинецкого культурного круга.

Одним из базовых памятников волинской группы комаровской культуры является Войцеховский могильник. Раскопки памятника начаты в 1924 г. С.С. Гамченко, раскопавшим 7 курганов (*Гамченко, 1924; Лагодовська, 1948*), и продолжены в 1949 г. Е.Ф. Лагодовской, исследовавшей еще 9 насыпей (*Лагодовська, Захарук, 1956*). Обычно в литературе Войцеховский могильник и сводится к этим 16 курганам (*Березанская, 1972. С. 56–58. Рис. 14*).

Однако кроме раскопок упомянутых курганов С.С. Гамченко были начаты исследования курганной группы 2, где раскопан курган 1, в насыпи которого также была обнаружена керамика комаровского типа (*Гамченко, 1924. С. 91–93*). В архиве С.С. Гамченко среди черновиков сохранилась карта-схема расположения курганных групп у с. Колодяжное, составленная И.Ф. Левицким (Архив Гамченко, №47). Только на левом берегу Случи на этой карте обозначено около сотни курганов.

В 2011 г. Фастовской археологической экспедицией на левом берегу Случи, напротив с. Колодяжное, между пгт Мирополь Романовского р-на Житомирской обл. и с. Колосовка (бывш. Войцеховка) Полонского р-на Хмельницкой обл. была выявлена курганная группа, не обозначенная на плане И.Ф. Левицкого (если продолжать нумерацию в отчете С.С. Гамченко, то группа 3). Предположительно, именно эта группа упомянута в отчете Волинско-Подольской экспедиции ИА АН УССР за 1948 г. (*Гончаров, 1948/5. С. 7, 8*). Группа расположена в 1,8 км к ЮЮВ от ж/д станции Мирополь, на плато высокого левого берега Случи, на расстоянии около 0,5 км к СВ от группы 1. Занимает гребень песчаной гряды, идущей перпендикулярно берегу реки. Курганному могильнику предшествовало трипольское поселение этапа СII. В группе зафиксированы 6 курганов, 4 из которых были раскопаны в 2011–2012 гг.

Курган 1 содержал одно погребение, совершенное по обряду демембрации. Кости были сложены в определенном, но не анатомическом, порядке. Рядом с костями обнаружены фрагменты разбитого тюльпановидного сосуда. На костях зафиксированы следы обработки. На бедре сохранились следы срезания мяса кремневым (?) ножом по мокрой кости. Правая ветвь нижней челюсти удалена, и челюсть пришлифована. На лучевой кости обнаружены неглубокие параллельные насечки, выполненные острым предметом (определение Л.В. Литвиновой). С погребением связаны остатки трех очагов-жертвенников – кострище и два скопления обожженных камней. В одном из скоплений обнаружена глубокая чаша с ручкой.

Погребальное сооружение в кургане 2 представляло собой большой котлован, прорезавший слой трипольского поселения. На разных уровнях в этом котловане обнаружены 5 погребений – 1 демембрация (погребение 4) и 4 скорченных труположения, два из которых лежали головой на восток (3 и 5), а два – на юг (1 и 2). При этом костяки погребений 1, 2 и 3 располагались непосредственно один над другим. Все погребения перекрыты единой насыпью, возведенной из вальков, нарубленных из слоя трипольского поселения. Погребения 1 и 5 сопровождалась тюльпановидными сосудами тшинецкого типа. В юго-восточном секторе обнаружено скопление обожженных камней, среди которых стояла неглубокая чаша.

В центре кургана 3 находилась большая яма-кенотаф. Курган 4 оказался полностью срезанным плугом – под пашней сразу начиналась подпочва, подстилающая в других курганах поздне трипольское поселение.

Керамический комплекс исследованных курганов близок керамике из курганов группы 1, содержавших также и бронзовые украшения комаровских типов. Картографирование последних позволяет рассматривать Войцеховский могильник как одно из клю-

чевых звеньев северной ветви лесостепного трансевропейского пути, соединявшей карпатские перевалы с переправами на Среднем Днепре (Лысенко, Лысенко, 2011).

В.И. Мельник
(ИА РАН, Москва)

РАННИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ И ФАЗЫ РАЗВИТИЯ КУЛЬТУР ЭПОХИ БРОНЗЫ СТЕПЕЙ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Для эпохи раннего металла на территории Ближнего Востока и южной части Восточной Европы выделяются зоны, которые обладают своеобразием экономического и социального развития: это цивилизационные центры Ближнего Востока, представляющие южный блок культур, и скотоводческие культуры лесостепной и степной зон, а также Северный Кавказ, составляющие северный блок (Черных, 2002). Эти зоны находились в состоянии активного взаимодействия. Каждая из цивилизаций имела свою специфику развития, которая по-разному проявлялась в основные исторические периоды: ранней древности (вторая половина IV– III тыс. до н. э.), расцвета древних обществ (II–I тыс. до н. э.) и их упадка (первая половина I тыс. н. э.). Эпоха раннего металла приходится здесь на первый исторический период и первую половину второго. В свою очередь, в культурах степей также фиксируются фазы развития, имеющие археологическую номенклатуру (ранняя, средняя, поздняя бронза). В этом хронологическом делении обращает на себя внимание тот факт, что не только самые крупные вехи, но иногда и более мелкие подразделения в ряде цивилизаций и периферийных культур совпадают. Данное совпадение не представляется случайностью, а как раз демонстрирует взаимосвязанность цивилизаций и их окраин (Мельник, 2010).

На первом этапе развития древних цивилизаций население районов с благоприятными природными условиями, активно занимающееся земледелием, выходит на высокий уровень в своих достижениях. Значительная зависимость экономических успехов от состояния природной среды приводит, однако, к тому, что при резком ухудшении природных условий возникает кризис, который мог обостряться нападением скотоводческих группировок. Агрессивность последних в таких ситуациях возрастает. Все это приводило к изменению социально-политических структур и вызывало культурные перемены (Мельник, 2000; 2001; 2004; 2008; 2009). Для этого этапа можно выделить две межкультурные фазы. Приведем лишь основные примеры. Первая из этих фаз в Месопотамии представлена периодом Джемдет-Наср, в Египте – Ранним царством и началом Древнего (до Джосера включительно), на Кавказе – поздними периодами куро-араксской и новотиторской культур, и в степях – культурой ямной. Время существования культур вне цивилизаций разное, но конец этой фазы для всего рассматриваемого массива практически одновременный. Конец периода Джемдет-Наср и время после Джосера отмечены кризисом. Для периферийных культур это окончание периода ранней бронзы. Вторая фаза в Египте связана с большей частью Древнего царства и I Переходным периодом, в Месопотамии – с Раннединастическим периодом и деспотией Аккада вплоть до падения. В степной зоне это время существования катакомбных культур и период средней бронзы.

На втором этапе происходит расширение зоны цивилизаций и, соответственно, увеличивается периметр ее соприкосновения с другими социокультурными образованиями, а также дальность проникновения цивилизационных импульсов. Здесь возможно выделить три фазы.

Следующая, третья по общему счету, фаза в Египте представлена периодом Среднего царства и II Переходным периодом, в Месопотамии это время от III династии Ура до начала утверждения касситов. В степях распространяется культура многоваликовой керамики, памятники типа Потаповки и Синташты и время это обозначается как переход от

средней к поздней бронзе. Четвертая фаза отмечается Новым царством в Египте и Среднеавилонским периодом в Месопотамии. Заканчивается она падением Микен и Хеттского государства. В степи распространяется срубная культура, и это период поздней бронзы. Пятую фазу можно обозначить как период финальной бронзы. Это неустойчивый период, но отсюда начинается переход к железу.

Перечисленные фазы разделяются кризисными явлениями и объединяются более или менее стабильной обстановкой, в которой рождаются новые цивилизации и складываются целые блоки взаимосвязанных культур. Разрывы в культурном процессе вместе с потерями создавали необходимость поиска новых форм существования.

Н.Л. Моргунова
(ОГПУ, Оренбург)

РАДИОКАРБОННАЯ ХРОНОЛОГИЯ ЯМНОЙ КУЛЬТУРЫ ВОЛЖСКО-УРАЛЬСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ

В истории бронзового века Евразии ямная культура (ЯК), занимавшая степное пространство от Дуная на западе до Южного Урала на востоке, сыграла большую роль (Мерперт, 1974).

Ввиду очевидной связи с ЯК формирования специфичной формы цивилизации степного типа особое значение приобретает проблема установления хронологических рамок существования всей культуры и выделения этапов ее развития. Однако датирование ямных погребений археологическими методами затруднительно, поскольку большинство их безынвентарны.

Наиболее стабильно ЯК развивалась на территории волжско-уральского междуречья. Однако ¹⁴С датирование вплоть до середины 1990-х гг. здесь не проводилось. К настоящему времени для данного варианта ЯК стало известно около 100 ¹⁴С определений (Моргунова, 2006; 2007; Кузнецов, 2007; Моргунова и др., 2011). Исследования курганных могильников осуществлялись с использованием различных методов естественных наук с опорой на палеопочвоведение и радиоуглеродное датирование. В результате выделяются 3 этапа развития ЯК на территории Волго-Уралья.

Ранний – репинский этап. На этом этапе сохраняется ряд признаков степного энеолита, но такие черты ЯК, как курганы с положением умерших скорченно на спине с подогнутыми ногами, окраска охрой, восточная ориентировка, становятся господствующими в погребальном обряде. Происходят изменения в технологии и оформлении глиняной посуды, распространяются первые медные изделия местного производства. Памятники представлены захоронениями под курганами и кратковременными поселениями. И для тех, и для других получены ¹⁴С даты.

Хронология для трех поселений Кызыл-Хак I и II, Турганикского и Репин Хутор близка. Диапазон дат устанавливается в значениях от 5230±90 до 4540±80 ВР, по калиброванной шкале – в пределах 4200–3400 ВС. Подкурганные погребения в могильниках Скатовка, Петровка, Орловка, Скворцовка отнесены к репинскому горизонту по наличию в них типичной керамики и металлических изделий. Даты получены как по керамике, так и по костям человека. Их значения аналогичны ¹⁴С датам по поселениям.

Таким образом, на основании радиоуглеродных определений хронологические рамки раннего этапа ЯК в Волго-Уралье определяются в пределах примерно от 4000 до 3300 ВС. В целом, культура удревняется в сравнении с прежними представлениями примерно на 500 лет (Черных, Орловская, 2004). На этом этапе ЯК развивалась синхронно с ранним этапом майкопской культуры на Северном Кавказе (Корневский, 2004).

Развитой (классический) этап по совокупности данных археологической типологии, палеопочвоведения, технико-технологического анализа керамики и радиоуглеродного датирования подразделен на 2 хронологические ступени – А и В.

Большинство ^{14}C дат для погребений ступени А имеют значения от 4480 ± 100 до 4290 ± 80 ВР, согласно которым допустимый калиброванный интервал устанавливается в пределах от 3400 до 2900 ВС. Установленные хронологические рамки подтверждаются данными палеопочвоведения. На этой ступени появляются разные по величине и сложности оформления погребального ритуала курганы, погребения с человеческими жертвоприношениями и многочисленными металлическими и иными вещами.

Хронологические рамки ступени В определяются в пределах от 3000–2900 до 2600–2500 ВС. В данный период были возведены такие курганные могильники, как Першин 1/4, Тамар-Уткульские и большинство Шумаевских курганов, а также курган Болдырево I 1/1 с многочисленными предметами из меди и метеоритного железа, а также круглодонной керамикой.

В пределах 3000–2600 ВС определяют время классического этапа ЯК на других степных территориях Восточной Европы (Телегин, 1977; Шишлина, 2007; Иванова, 2006; Николова, 2001).

Поздний (полтавкинский) этап. В этот период на территории от Дона до Днепра распространяется катакомбная культура. Однако в волжско-уральском междуречье сохраняется ЯК. Влияние на нее со стороны катакомбного населения проявилось в распространении плоскодонных форм керамики. Поздний этап развития ЯК на территории волжско-уральского междуречья датируется в пределах калиброванного интервала от 2600 до 2200 ВС. В этих же пределах датируются раннекатакомбные памятники в Калмыкии, на Нижнем Дону (Шишлина, 2007) и в Поднепровье (Николова, 2001).

Таким образом, на территории волжско-уральского междуречья ЯК прошла длительный путь развития. Однако на протяжении всей истории своего существования ЯК отличалась консерватизмом в погребальной практике, в производственной и ритуальной деятельности, что создавало и создает определенные трудности для разработки ее периодизации. Радиоуглеродное датирование позволило отчасти решить эту проблему. В дальнейшем оно должно шире использоваться в исследованиях объектов ЯК.

ЛИТЕРАТУРА

- Иванова С.В., 2006. Ямная культурно-историческая общность: проблемы формирования в свете радиоуглеродного датирования // РА. № 2.
- Корневский С.Н., 2004. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья. М.
- Кузнецов П.Ф., 2007. Время новых культурных традиций в бронзовом веке Волго-Уралья // Радиоуглерод в археологических и палеоэкологических исследованиях. СПб.
- Мерперт Н.Я., 1974. Древнейшие скотоводы волжско-уральского междуречья. М.
- Моргунова Н.Л., 2006. Периодизация и хронология ямных памятников Приуралья по данным радиоуглеродного датирования // Проблемы изучения ямной культурно-исторической области. Оренбург.
- Моргунова Н.Л., 2007. Об абсолютной хронологии развитого этапа ямной культуры (по данным Южного Приуралья) // Радиоуглерод в археологических и палеоэкологических исследованиях. СПб.
- Моргунова Н. Л., Зайцева Г.И., Ковалюх Н.Н., Скрипкин В.В., 2011. Новые радиоуглеродные даты памятников энеолита, раннего и среднего этапов бронзового века Поволжья и Приуралья // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург.
- Николова А.В., 2001. Хронология ямной и катакомбной культур степной Украины: некоторые вопросы датировки методом ^{14}C // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Самара.
- Телегин Д.Я., 1977. Об абсолютном возрасте ямной культуры и некоторые вопросы хронологии энеолита юга Украины // СА. № 2.
- Черных Е.Н., Орловская Л.Б., 2004. Радиоуглеродная хронология древнейшей общности и истоки курганных культур // РА. № 1.
- Шишлина Н.И., 2007. Северо-Западный Прикаспий в эпоху бронзы. М.

К ВОПРОСУ О КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЯХ ЭПОХИ СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ

После выделения блока катакомбных культур одной из центральных дискуссионных проблем стало определение их истоков. Высказывались убедительные аргументы в пользу автохтонного сложения катакомбной традиции (*Кривцова-Гракова, 1938; Попова, 1955*) и пришлого ее характера (*Клейн, 1962; 1966*). В качестве главного аргумента привнесенности катакомбных черт материальной культуры приводилось сходство основных форм и орнаментации керамики. Керамика для степного населения, несомненно, является основным индикатором культуры. Сходство форм и мотивов декора наводит на мысль о единстве происхождения культуры и родстве ее населения. Однако, на наш взгляд, нельзя воспринимать материальные свидетельства взаимовлияния культур лишь как следствие прямолинейной миграции населения. Более вероятным путем передачи информации является «дрейф идей», когда сходная культурная традиция проявляется у разных народов (*Cunliff, 2011*).

Курильницы, представляющиеся «визитной карточкой» катакомбных культур степного Предкавказья, вызывают наибольший интерес благодаря своей необычной форме, богатству орнамента и трудности интерпретации их семантической нагрузки в погребальном обряде. На данной территории ритуальные чаши предстают в сложившемся виде, имеют строго устоявшуюся традицию использования и очень широкое распространение – число известных курильниц достигает нескольких сотен. Поиски прототипов данной формы керамики предпринимались неоднократно. Еще в своих первых работах, посвященных изучению генезиса катакомбных традиций, Л.С. Клейн указывал на восточно-европейские корни катакомбных курильниц. Он писал о сходстве формы и, главное, их содержания, т. е. характера использования в культурном контексте (*Клейн, 1962*).

Хотелось бы обратить внимание именно на характер использования внешне похожих керамических изделий. Т. е. может быть ситуация существования одинаковой формы, но с абсолютно различным семантическим наполнением. Поиск аналогий катакомбным курильницам в предшествующих и синхронных культурах дает широкий ареал – от чаш вучедольской культуры в Восточной Европе до «вазочек» афанасьевской и окуневской культур в Западной Сибири. Несмотря на внешнее сходство, трудно утверждать, что данные керамические изделия несут идентичную культурную нагрузку (*Вадецкая, 1986*). На наш взгляд, перенесение акцента на исследование характера использования того или иного артефакта населением разных культур является перспективным. В этой связи хотелось бы обратить внимание на контекст находок катакомбных курильниц, чаш на подставках ямной культуры, по терминологии Э. Кайзер (2005), кубков вучедольской культуры, которые Л.С. Клейн видит в качестве прототипов катакомбных сосудов.

В первую очередь, следует учесть, что все сосуды, найденные в Восточной Европе, были обнаружены на поселениях. То же можно сказать и о ямных чашах на подставках, которые, за редким исключением, также обнаружены на бытовых памятниках. В отличие от них, катакомбные курильницы, традиционно воспринимаемые как ритуальная посуда, найдены только в погребениях. Отчасти это связано со слабой, а правильнее сказать, практически полной неизученностью поселений эпохи средней бронзы в степном Предкавказье. В пользу особого смысла и, следовательно, независимого от восточноевропейских прототипов происхождения курильниц говорят результаты анализа содержимого катакомбных чаш. Практически всегда катакомбные курильницы заполнены остатками или следами горения в них органических материалов. Проведенные спорово-пыльцевой и фитолитный анализы (*Шшилина и др., 2009*) позволили установить, что в курильницах сжигались травянистые и кустарниковые растения. Причем в большинстве случаев «букет» составлялся из растений, имеющих ароматический, а иногда даже легкий галлюциногенный, эффект. Многие растения до сих пор используются в парфюмерной и медицинской промышленности. Кстати, сибирские курильницы, подобно катакомбным образцам, имеют следы нагара (*Вадецкая, 1986*).

Вплоть до недавнего времени курильницы считались индикатором развитого этапа катакомбной культуры. Однако исследования последних двух десятилетий дали целую серию курильниц, которые были отнесены к раннекатакомбному времени (Панасюк, 2010). Характерно, что данные ритуальные чаши использовались так же, как и их более поздние образцы, т. е. обряд, связанный с ними, сформировался довольно рано. Что касается форм этих чаш, то они радикально отличаются от «классических» катакомбных форм. Эти чаши зачастую не имеют внутреннего отделения, ножки представляют собой отдельные грибовидные налепы на дне. Имеющиеся радиоуглеродные даты позволяют синхронизировать существование этих курильниц и их предполагаемых западных прототипов в пределах середины III тыс. до н. э. (Шишлина, 2007; Кайзер, 2005). Однако очевидно, что по характеру использования и форме раннекатакомбные курильницы радикально отличаются от керамических изделий соседних культур. Вероятно, следует говорить не о заимствованиях, и уж тем более не о миграции населения, а лишь о распространении определенного культурного архетипа, по-своему воспринимавшегося в различных хозяйственно-культурных объединениях.

Литература

- Вадецкая Э.Б., 1986. Сибирские курильницы // КСИА. Вып. 185.
- Кайзер Э., 2005. Курильницы катакомбной культуры и чаши на подставках Северного Причерноморья – к вопросу о новой типологии // Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар. Вып. 5.
- Клейн Л.С., 1962. К определению места курильниц в катакомбной культуре // Археологические раскопки на Дону. Ростов-на-Дону.
- Клейн Л.С., 1966. Прототипы катакомбных курильниц и проблема происхождения катакомбной культуры // АСГЭ. № 8.
- Кривцова-Гракова О.А., 1938. Генетическая связь ямной и катакомбной культур // Тр. ГИМ. Вып. VIII.
- Панасюк Н.В., 2010. Раннекатакомбные курильницы степного Предкавказья // РА. № 2.
- Попова Т.Б., 1955. Племена катакомбной культуры // Тр. ГИМ. Вып. 24.
- Шишлина Н.И., 2007. Северо-Западный Прикаспий в эпоху бронзы (V–III тысячелетия до н. э.). М.
- Шишлина Н.И., Панасюк Н.В., Пахомов М.М., Бобров А.А., 2009. Степная археологическая экспедиция ГИМ: результаты этноботанических исследований // КСИА. Вып. 223.
- Cunliff B., 2011. Europe between the Oceans: 9000 BC – AD 1000. Yale.

Г.Н. Поплевко
(ИИМК РАН, Санкт-Петербург)

ТЕХНОЛОГИЯ ИЗГОТОВЛЕНИЯ МАЙКОПСКОЙ КЕРАМИКИ

Изучение технологии изготовления древних глиняных сосудов является одним из самых интересных направлений в археологии, особенно если сочетать его с экспериментально-трасологическим исследованием последних. Долгое время считалось установленным, что майкопскую керамику изготавливали на малом поворотном круге, в пользу чего приводились данные наблюдений, которые фиксировали отпечатки параллельных линий от пальцев рук на внутренней стороне шейки венчиков сосудов. Снаружи и на внутренней части стенок сосудов такие следы не отмечались. Экспериментально-трасологические исследования неолитической керамики поселения Ракушечный Яр, начатые автором при поддержке РФФИ, позволили провести серию экспериментов по изготовлению профилированной керамики, в частности моделирование форм сосудов майкопской культуры. Это дало возможность сделать целый ряд наблюдений, которые затем

были использованы при анализе фрагментов майкопской керамики поселения Чекон, расположенного в Краснодарском крае (*Бочковой и др., 2012*). На внутренней стороне целого ряда фрагментов были зафиксированы следы от разглаживания руками, шпателями и разными лопаточками, влажной тканью. Также были отмечены следы прикрепления венчика сосуда к его округлому тулову и дальнейшего разглаживания внутренней и внешней поверхности. На внешней стороне фрагментов зафиксированы следы разглаживания поверхности шпателями из дерева, кости и камня. Как правило, сосуды покрывались ангобом из тонко отмученной жидкой глины, без добавления краски чаще, чем с добавлением ее. По поверхности ангоба отмечены следы хорошего лощения и разглаживания. Кроме того, при тщательном изучении фрагментов керамики с использованием увеличения до 20 раз отмечено, что толщина стенок сосудов часто меняется на своей протяженности. Причем можно проследить зоны стыков глиняных лент, а по зонам стыков – небольшие пустоты от склеивания лент по всей их длине или на небольшой части. Некоторые сосуды имеют биконическую форму, отражающую применение приема склеивания двух полусфер (частей сосуда), возможно изготовленных с использованием твердой основы. На основе удобно и безопасно проводить уплотнение стенок и разглаживание поверхности сосуда.

В ходе раскопок 2002 г. на поселении эпохи ранней бронзы Пхагугапе на южном берегу Краснодарского водохранилища вблизи аула Тауйхабль в Адыгее была обнаружена гончарная печь с разрушенным сводом и хорошо сохранившимися стенками (*Резепкин, Поплевко, 2006*). В квадрате Б-1 этого же раскопа, рядом с печью, находился сосуд с разорванными по всему тулову лентами. На фрагментах лент «читаются» их стыки. Также хорошо видно, что сосуд разорвало по стыкам лент во время обжига. Весь сосуд по лентам распался и лежал компактно, так что можно было наблюдать, как одна лента наслаивается на другую. Его можно определить как археологический развал сосуда, у которого прослеживается ручная лепка широкими тонкими лентами, с последующим разглаживанием всей поверхности сосуда с обеих сторон по мере прикрепления лент. Это пример брака, который был допущен при изготовлении сосуда. Скорее всего, были плохо разглажены стыки лент и там, вероятно, оставались небольшие пузырьки воздуха и влага, которая при высокой температуре разорвала этот сосуд по лентам. Лощение сформированного сосуда проводилось по слабо просушенной, но еще влажной поверхности, когда глиняная масса еще податлива для разглаживания и уплотнения стенок. Таким образом достигались дополнительное уплотнение стенок и удаление пустот и неровностей, которые могли сформироваться в процессе изготовления сосуда.

Экспериментальное моделирование сосудов показало, что при хорошем разглаживании стенок с обеих сторон в процессе лепки и последующем их лощении при сушке сосудов на их поверхности практически нет следов, по которым можно было бы фиксировать ручную лепку.

Использование малого поворотного круга представляется маловероятным, т. к. в этом случае она ведется из комка глины, который крепится в центре круга. Из этого куска глины и вытягивается сосуд, который по завершении лепки срезается с поверхности круга по донцу. Если допустить, что лепка круглодонного сосуда велась на круге, даже мало поворотном, то каким образом круглодонный сосуд мог удержаться на круге при его вращении? Ведь физические законы применимы и к глиняным изделиям и под действием центробежных сил сосуд не смог бы удержаться на поверхности круга при его вращении. А как можно закрепить на круге круглодонный сосуд, у которого нет плоской точки опоры, чтобы вытягивать стенки сосуда при вращении круга? Исходя из экспериментальных наблюдений, можно предположить несколько приемов ручной лепки сосудов с использованием твердой основы или без нее (*Поплевко 2012*): это лепка двух полусфер лентами на основе или внутри основы и последующее соединение частей, с разглаживанием зоны стыка; лепка нижней части на основе, а верхней – без нее, и последующее соединение частей; лепка нижней или верхней части внутри основы, а верхней или нижней – без использования основы; лепка без использования основы. При тщательном разглаживании и лощении поверхности стенок сосудов разрыв при раскалывании проис-

ходит не по лентам и зонам их стыков, а довольно произвольно. Если в процессе лепки на стыках лент используется шликер – раствор глиняной массы, то соединение лент будет очень прочным.

Исходя из вышеизложенного, можно констатировать, что при изготовлении майкопских сосудов использовалась ручная лепка широкими и узкими лентами (от 2 до 4 см), с возможным использованием деревянной основы-полусферы, которая поворачивалась вручную на каком-либо поддоне, чтобы можно было постепенно разглаживать всю поверхность сосуда по его периметру. Также возможно, что сосуды лепились вручную без использования основы или в комбинации ее с использованием вышеперечисленных приемов. Дальнейшие экспериментально-трассологические исследования материалов майкопских поселений и эксперименты по изготовлению сферических форм сосудов майкопской культуры помогут выявить все приемы, которыми пользовались древние мастера.

ЛИТЕРАТУРА

Бочковой В.В., Марченко И.И., Лимберис Н.Ю., Резепкин А.Д., 2012. Поселение майкопской культуры Чекон // Мат. междунар. науч. конф. «Древние культуры степей Евразии и их взаимодействие с цивилизациями». СПб.

Резепкин А.Д., Поплевко Г.Н., 2006. Поселение Пхагугапе // Liber archaeologicae: Сб. ст., посвящ. 60-летию Бориса Ароновича Раева. Краснодар.

Поплевко Г.Н., 2012. Экспериментальное моделирование профилированной керамики // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: Исследования и интерпретации: XXVII «Крупновские чтения»: Мат. Междунар. науч. конф. Махачкала.

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ, проект 10-06-0096-а.

Г.Г. Пятых
(ИА РАН, Москва)

ЗЕМЛЕДЕЛИЕ ЭНЕОЛИТА – БРОНЗЫ КАК ИНДИКАТОР КЛАССОГЕНЕЗА

Свидетельства раннего земледелия известны на многих территориях Старого Света. Так, в Передней Азии и Европе земледелие установлено уже для неолита, энеолита и бронзового века. Пахота середины IV (рубежа IV–III) тыс. до н. э., в виде следов, оставленных бороздовым орудием либо даже ралом, установлена для Центральной (Чехословакия), Северной (Дания) и Западной (Британские острова) Европы. На памятниках позднего неолита и энеолита Центральной Европы найдена целая серия деревянных бороздовых орудий; сходные по функциям бесспорно неолитические почвообрабатывающие орудия известны на севере ФРГ и на Британских островах.

По лингвистическим данным, пашенное земледелие имелось у древних семитов, индоевропейцев и северокавказцев уже в V–IV тыс. до н. э. В Закавказье пашенные орудия могли попасть из Месопотамии в течение III тыс. до н. э. Считается, что в позднем бронзовом веке на Кавказе примитивные рала уже несомненно были.¹

В Поднепровье в погребениях катакомбной культуры второй половины III тыс. до н. э. обнаружены деревянные части рал двух типов: прямогрязильного и кривогрязильно-

го.

Изо-

¹ Древнейшие достоверно известные рала происходят из Южной Месопотамии (конец IV – начало III тыс. до н. э.). В долине Инда также обнаружено поле с бороздами хараппского или дохараппского периода; судя по их характеру, это еще ручные сохи, а не настоящие рала. По производительности уже древнейшие рала превосходили мотыги: в Индонезии, на буйволовой тяге, – в 1,5–3 раза; по экспериментам С.А. Семёнова, некоторые типы европейских рал были в 45–75 раз эффективнее ручных орудий, в т. ч. мотыг. В Египте первые рала появляются в период II–III династий. В Средней Азии во II тыс. до н. э. они точно были, возможно, и раньше (ИПО, 1988. С. 22).

бражениепрямогрядильного рала, запряженного быком, датированное серединой III или рубежом III–II тыс. до н. э., найдено в Прикубанье (ИПО, 1988. С. 23).

Прямогрядильное рало того же времени известно в виде изображения на стеле на территории Крыма. Все эти находки свидетельствуют о распространении пашенного земледелия в северопричерноморских степях в III или на рубеже III–II тыс. до н. э. (Там же). Таким образом, земледелие у носителей культур восточноевропейской бронзы уже существовало.

В рамках настоящей темы важно то, что археологические свидетельства пашенного земледелия говорят о высоком уровне социального развития обществ, в которых оно существовало. В этой связи заслуживают внимания два факта. Первый – это то, что в Китае рало появилось только во второй половине I тыс. до н. э., т. е. уже в эпоху развитой государственности. Факт второй: в Африке в доколониальную эпоху упряжные пахотные орудия применялись лишь в обществах, уже имевших ярко выраженную раннеклассовую структуру (Там же). Следует отметить и то, что чем сложнее становилась земледельческая техника, тем выше было участие в земледелии мужчин. Так, в катакомбных могилах Поднепровья древнейшие рала были только в мужских погребениях (Там же. С. 27, 28). Таким образом, не только скотоводство, но и пашенное земледелие было основой общественного разделения труда по половому признаку, что в свою очередь являлось основой дальнейшего социального расслоения.

Имеющиеся факты в совокупности позволяют предполагать, что, во-первых, наличие земледелия в Европе, в том числе Восточной, фиксируется достаточно рано и существование его в III тыс. до н. э. можно считать доказанным; во-вторых, общества, практиковавшие его, могли находиться на весьма высоком уровне разложения первобытнообщинных отношений, некоторые из обществ, возможно, уже на предгосударственном.

ЛИТЕРАТУРА

ИПО – История первобытного общества. Эпоха классового образования. М., 1988.

А.Д. Резепкин
(ИИМК РАН, Санкт-Петербург)

ВЛИЯНИЕ ПЕРЕДНЕГО ВОСТОКА НА ФОРМИРОВАНИЕ ЭПОХИ РАННЕЙ БРОНЗЫ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Как теперь выясняется, вовлечение Северного Кавказа в сферу влияния передневносточных цивилизаций было не одноактным и зависело от происходящих там процессов (Резепкин, 2003; 2004). Пока трудно предполагать, был ли «чистый» импульс позднего анатолийского халколита (Amuk F) на Северный Кавказ. Во всяком случае, на таких памятниках майкопской культуры, как Майкопский курган, курганы и поселение у ст. Усть-Джегутинская в Карачаево-Черкесии, Заманкул в Северной Осетии, поселение Большетегинское на востоке Краснодарского края, Натухаевское 3, Дюрсо I под г. Новороссийском, влияния урука не наблюдается. На керамике этих памятников нет орнаментов, столь характерных для среднего урука: в частности, в виде таких специфических композиций, как зигзаг на шейке сосуда, косая сетка по тулову, зигзагообразный штамп (*rocker impressed*), плотными косыми рядами идущий по тулову сосуда. Появились двухтрехручные амфоры с ленточными ручками, что также типично для среднего урука, но их нет на керамике восточноанатолийского халколита.

Но все же влияние передневносточных цивилизаций на данный регион началось, вероятно, во время продвижения урукской цивилизации на север на среднем этапе ее развития. Это, возможно, и послужило основным импульсом, повлиявшим на формирование

майкопской культуры на Северном Кавказе. Он уже ощутим в материале поселений на Нижней Кубани, таких как Псекупс, Пхагугапе, Беляевское в зоне Краснодарского водохранилища, погребений у с. Красногвардейское, где на керамике, сохраняющей формы позднеанатолийского халколита, отмечен типично урукский орнамент. Находки ранних цилиндрических урукских печатей вместе с майкопской керамикой с урукским орнаментом в погребении у с. Красногвардейское и на поселении Чекон в Краснодарском крае, керамика, типичная для среднего урука, найденная на поселениях Сержень-Юрт I, II в Чечне, Великент I в Дагестане, – все это свидетельствует о том, что передневосточный импульс на Северный Кавказ в основном происходил уже тогда, когда поздний восточноанатолийский халколит подвергся достаточно сильному влиянию урука. Серии калиброванных радиоуглеродных дат среднего Урука (*Boese*, 1995. S. 256, 272. Abb. 15) и новосвободненских памятников (*Rezepkin*, 2000. S. 22), имеющих эти признаки, полностью совпадают – вторая треть IV тыс. до н. э.

Ранее комплексы с керамикой с пролощенным орнаментом я отнес ко второму, иноземцево-костромскому, этапу развития майкопской культуры (*Rezepkin*, 1989. С. 12). Сейчас, вероятно, назрела необходимость временной дифференциации и самого этапа. Те памятники с керамикой, обладающей данными видами орнамента, которые не имеют в своих комплексах новосвободненских типов инвентаря, полагаю, нужно отнести к ранней фазе этого этапа и к собственно майкопской культуре. Это поселения Псекупс, Пхагугапе, Галюгаевское I и Серегинское. Особенность последнего состоит в том, что он синкретичный, там ярко представлены два компонента: ранненовосвободненский и майкопский (*Rezepkin*, 2004). Из погребальных комплексов сюда можно отнести подкурганые погребения 3, 4, 6, у с. Красногвардейское (*Нехаев*, 1986), почти все погребения из двух нижних горизонтов могильника «Клады», почти все погребения могильника Уашхиту I и синкретические (майкопско-ранненовосвободненские) погребения могильника Общественное II. Эти памятники на Северо-Западном Кавказе явились субстратом для третьего, собственно урукского, импульса.

Эта поздняя фаза характеризуется, на мой взгляд, рудиментарным волнистым орнаментом: волна на шейке сосуда стала остроугольной, прерывистой, нерегулярной. Сами сосуды стали плоскодонными, реповидной, реже грушевидной (вытянуто-реповидной), формы. Второй признак – наличие в погребальных комплексах новосвободненского металла: черешковых кинжалов, топоров «с горбинкой» под втулкой, бронзовых крюков, тесел не с овальным, а с плоским обушком, с противоположной обушку заточкой.

Хорошим примером для иллюстрации этого предположения может послужить известный погребальный комплекс из кургана у с. Иноземцево (*Кореневский, Петренко*, 1982). Но в этой майкопской по конструкции могиле находился типично новосвободненский инвентарь: оба обнаруженных там топора имели присущую только новосвободненскому типу характерную «горбинку» под проушным отверстием спереди, а не клиновидную в плане форму, как у топора из майкопского кургана (Там же. С. 105. Рис. 9, 1, 2). Два найденных бронзовых кинжала с черешками, тесло с плоской пяткой, как у всех новосвободненских тесел, двухзубый крюк. На двух сосудах видно, как усложнен орнамент. Вместо волны – широкая зигзагообразная линия, образующая острые углы, частично заполненные прямыми линиями; на другом сосуде зигзаги усложнены дополнительными элементами.

Следующий этап развития эпохи ранней бронзы на Северном Кавказе, как я думаю, демонстрирует сильное влияние собственно урукской цивилизации, ее северного варианта. В этих более поздних памятниках, традиционно относимых к «новосвободненскому» этапу как по керамике, так и по металлу, представлены уже не восточноанатолийские, а полностью урукские формы.

В целом, доминирующее влияние урука проявилось в Центральном Предкавказье, а на Северо-Западном Кавказе преобладающим было влияние позднего анатолийского халколита.

Н.В. Рындина
(МГУ, Москва),
И.Г. Равич
(ГосНИИР, Москва)

ЛИТЕЙНЫЕ И КУЗНЕЧНЫЕ ПРИЕМЫ В МЕТАЛЛОПРОИЗВОДСТВЕ МАЙКОПСКИХ ПЛЕМЕН СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

1. Самый яркий и многообразный металл Восточной Европы эпохи ранней бронзы связан с памятниками майкопских племен Северного Кавказа. Их история охватывала период с IV по начало III тыс. до н. э. В майкопских коллекциях представлено несколько сотен орудий труда, предметов вооружения, культовых и бытовых предметов из мышьяковых и мышьяково-никелевых бронз. До недавнего времени блистательные майкопские находки изучались только с точки зрения типологии и химического состава металла. Технологии его обработки долгое время оставались вне поля зрения исследователей. Поэтому результаты, полученные в лаборатории структурного анализа кафедры археологии МГУ при изучении литейных и кузнечных приемов, известных майкопским мастерам, открыли новую страницу в истории майкопского металлопроизводства.

2. Сбор материалов, необходимых для исследований, был осуществлен с помощью поверхностного технологического осмотра майкопских бронзовых изделий и взятия с них образцов для металлографического анализа в музеях Краснодар, Майкопа, Нальчика, Владикавказа, а также в хранениях Гос. Эрмитажа. Металлографические исследования осуществлялись на микроскопе Axiovert-25. Отдельные, наиболее сложные образцы изучались на электронном микроскопе Camebax. Для полноценной расшифровки структур мышьяковых и мышьяково-никелевых бронз потребовалось создание модельных образцов, которые позволили установить связь между их составом, механическими и технологическими свойствами, а также структурными особенностями. Эти образцы дали возможность восполнить пробел, существующий как в современном металловедении, так и в работах историко-металлургического характера. В итоге их исследования были составлены уникальные атласы микроструктур двойных медно-мышьяковых и тройных медно-мышьяково-никелевых бронз, подвергнутых различным режимам литья,ковки и разнотемпературного отжига. Иллюстрации из атласов дали сравнительную основу для расшифровки структур майкопского металла.

3. Микроструктурный анализ 152 изделий, представленных различными категориями орудий труда (топоры, топоры-молоты, мотыги, тесла, долота, шилья), оружия (кинжалы, копье, меч) и бытовых предметов (вилки, «псалии», посуда, диски-зеркала), позволил выделить 11 технологических схем их изготовления. Технологическая схема – это совокупность основных приемов изготовления вещи с учетом их последовательности и температур их исполнения (см. табл. 1).

Краткая оценка полученных результатов технологического изучения майкопских изделий сводится к следующему. При многообразии выделенных технологических схем формовки металла бросается в глаза предпочтительное использование майкопскими мастерами тех, которые сочетают литье с последующей ковкой (схемы III–VII). Наибольшей популярностью пользовалась технологическая схема IV, связанная с кузнечной обработкой литой заготовки, периодически нагреваемой до 600°C. Среди наиболее редко фиксируемых схем находятся I (литье), VIII–IX (сварка послековки и литья) и X (горячая ковка с последующей холодной). Отлитые изделия встречены дважды, и оба раза связаны с фигурными изображениями животных (собачки из могильника Клады, к. 31, п. 5). Сварка зафиксирована при изготовлении четырех изделий (три сосуда из Иноземцева, к. 1 и из Новосвободной, к. 1, п. 1; один втульчатый топор из Чегема 2, к. 21, п. 4). И, наконец, формовка металла с помощью горячейковки, а затем и холоднойковки, обнаружена в материалах нашей выборки всего три раза (два кинжала из урочища Клады, к. 31, п. 1 и одно тесло из Чегема 1, к. 1, центр. погр.).

Таблица 1. Технологические схемы майкопской металлообработки

Схемы	Технологические параметры	Об-
I	Литье	
II	Литье + холодная ковка	
III	Литье + ковка с отжигами при 400°C + холодная ковка	
IV	Литье + ковка с отжигами при 600°C + холодная ковка	
V	Литье + ковка с отжигами при 700–750°C + холодная ковка	
VI	Литье + ковка с отжигами при 400°C	
VII	Литье + ковка с отжигами при 600°C	
VIII	Литье + ковка с отжигами при 600°C + сварка при 600°C	
IX	Литье + ковка с отжигами при 600°C + сварка при 400°C	
X	Горячая ковка при 700–750°C + холодная ковка	
XI	Литье + ковка с отжигами при 700–750°C + отжиг старения (отпуск) при 600°C	

ращает на себя внимание еще одно наблюдение: на большинстве исследованных орудий труда и предметов вооружения присутствуют следы упрочняющего наклепа. Исключение составляют только часть новосвободненских втульчатых топоров. По-видимому, отсутствие упрочнения на их лезвиях связано с особенностями рабочих функций.

4. Удивительным совершенством отличались майкопские литейные формы, находившие применение в отливке специализированных заготовок изделий, впоследствии подвергавшихся кузнечной доработке. Заготовки тесел из памятников долинского и новосвободненского локальных вариантов культуры отливались в горизонтальных односторонних формах, прикрытых плоской крышкой (напр., урочище Клады, к. 31, п. 5). Отливка меча из Кладов потребовала использования горизонтальной закрытой двусторонней формы с высоким литником для поступления металла (длина – не менее 10 см.). Две разновидности форм находили применение при получении заготовок втульчатых топоров. Новосвободненские мастера предпочитали вести их отливку в двусторонних формах с вертикальным разъемом и открытым брюшком, через которое поступал металл. Вставной стержень для формирования втулки в таких изложницах был закреплен только снизу. Долинские мастера использовали формы более совершенной конструкции. Это были двусторонние закрытые изложницы. Вставной стержень закреплялся в них и сверху, и снизу. А заливка металла осуществлялась через литник высотой не менее 2 см, расположенный, скорее всего, со стороны спинки.

Проделанные анализы позволяют говорить о высочайшем мастерстве майкопских литейщиков и кузнецов. Они прекрасно различали свойства обрабатываемых сплавов, группируя приемы изготовления вещей в системы взаимосвязанных повторяющихся действий, отраженных в технологических схемах. Это свидетельствует о сложении устойчивых технических традиций, которые наряду с чертами сходства во всем майкопском ареале имеют и отличия, проявленные в среде новосвободненских и долинских племен.

5. В литературе давно высказывалось мнение о наличии в ареале майкопской культуры двух очагов металлопроизводства: прикубанского и терского, или центральнокавказского (Мунчаев, 1994; Корневский, 1984). Это заключение, высказанное на основе типологического сопоставления майкопских изделий из металла, получило объективное подтверждение на базе сравнения технологических схем изготовления новосвободненских и долинских находок. Важно, что и те, и другие представлены большой по объему выборкой (60 и 63 изделия).

По способам формовки металла новосвободненские и долинские находки заметно

отличаются друг от друга. Так, использование схемы V (литье + ковка с отжигами при 700–750°C + холодная ковка) новосвободненские изделия демонстрируют в 2 раза чаще, чем долиньские (22 и 11% соответственно). Обратная картина наблюдается для схемы III (литье + ковка с отжигами при 400°C + холодная ковка): в новосвободненских материалах на ее долю приходится лишь около шестой части предметов (15%), а в долиньских – более четверти (27%). Заметное своеобразие наблюдается в использовании схемы VII (литье + ковка с отжигами при 600°C): в новосвободненском ареале к ее помощи прибегают в три раза чаще, чем в долиньском (15 и 5% находок). К этому можно добавить ряд отличий в наборе схем: схема I (литье) известна в новосвободненской коллекции, но отсутствует в долиньской; напротив, схемы IX, X, XI, представленные в долиньских материалах, в новосвободненских не обнаружены (сложные сочетания горячейковки, сварки металла, его термической обработки).

Особое значение для атрибуции двух обозначенных выше очагов имеет анализ микропримесей в бронзах новосвободненских и долиньских изделий. Гистограммы, показывающие их распределение, обнаруживают заметное различие. Так, в сплавах новосвободненских по сравнению с долиньскими больше свинца и висмута. Напротив, бронзы долиньские более загрязнены примесями сурьмы, железа и кобальта. Лишь в гистограммах концентрации олова, цинка и серебра между металлом двух очагов проявляется сходство. Отмеченные различия, по-видимому, фиксируют сложение разных традиций в горном деле и металлургии у населения долиньского и новосвободненского локальных вариантов культуры. По заключению немецкого исследователя Э. Перницки, они могли проявляться и в использовании различных руд, и в различных условиях выплавки из них металла, и даже в способах его подготовки для последующей обработки (Pernicka, 1999).

6. Особая тема в исследовании связана с проблемой переднеазиатских истоков майкопских металлургических знаний. Обобщение массовых микроструктурных данных показывает, что начальные стадии развития нового независимого центра металлургии предполагают некоторый период «ученичества», первичного знакомства мастеров с простейшими методами обработки металла. В зоне обитания майкопских племен Предкавказья в эпоху энеолита металл почти неизвестен (единичные украшения). В майкопское же время металлические изделия сразу приобретают массовый характер. Технология их производства сразу характеризуется поразительным совершенством. Отсутствие признаков «ученичества» и внезапный всплеск сложных технологий свидетельствуют об их привнесении из южных культурных центров характере. Среди таких особых технологий можно назвать литье по восковой модели; ковку мышьяковых сплавов (4–8% As) с высокотемпературными отжигами, вызывавшими их размягчение (эффект гомогенизации); инкрустацию бронз серебром и золотом; различные приемы получения серебристых покрытий (лужение, серебрение, покрытие мышьяком). Не вызывают сомнений переднеазиатские корни обозначенных редких технологий. Освоение их было стимулировано мастерами, продвинувшимися на Северный Кавказ с весьма удаленных южных территорий. Металлографическое изучение ближневосточного металла доказывает, что эти территории простирались на запад вплоть до Восточной Анатолии и Палестины, а на востоке доходили до южной Месопотамии и западного Ирана. Пока локализовать исходную зону миграции южных племен в более детальной форме мы не можем. Но есть все основания утверждать, что они ассимилировали местное энеолитическое население и положили начало майкопской культуре, двухкомпонентной по своему происхождению. По-видимому, группы пришлого южного населения появлялись на Северном Кавказе многократно, на протяжении не только IV, но и начала III тыс. до н. э. Вместе с ними продвигались литейщики, кузнецы и ювелиры. Их приход дал толчок самобытному и поразительно мощному развитию собственно майкопского металлопроизводства.

Трифонов В.А.
(ИИМК РАН, Санкт-Петербург),
Крайнева А.А.
(ИА РАН, Москва),
Зайцева Г.И.
(ИИМК РАН, Санкт-Петербург),
Плихт Х.
(Университет Гронингена, Нидерланды),
Богомолов А. А.
(ИГГД РАН, Санкт-Петербург),
Бурова Н.Д.
(ИИМК РАН, Санкт-Петербург),
Семенов А.А.
(ИИМК РАН, Санкт-Петербург),
Ришко С.А.
(ИИМК РАН, Санкт-Петербург).

ДОЛЬМЕН «ШЕПСИ» И РАННИЕ ФОРМЫ КОЛЛЕКТИВНЫХ МЕГАЛИТИЧЕСКИХ ГРОБНИЦ НА СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КАВКАЗЕ В ЭПОХУ БРОНЗЫ

Летом 2012 г. в русле реки Шепси при случайных обстоятельствах был открыт дольмен. К моменту начала исследований памятник располагался на том участке русла, которое образовалось в результате размыва правого берега реки, сложенного из мягких суглинистых отложений. По ряду признаков можно предположить, что оригинальный ландшафт и топография памятника в период его постройки и использования значительно отличались от современного и представляли собой участок пологого склона берега, значительно удаленного от уровня воды и берегового уреза. Изменения топографии памятника произошли за счет отложения материалов твердого стока и поднятия уровня речного дна, что, в свою очередь, вероятно, было связано с новочерноморской трансгрессией Черного моря во II тыс. до н.э.

Дольмен «Шепси» представляет собой построенную из обработанных плит трапециевидную в плане погребальную камеру с входным отверстием в фасадной плите, доступ к которому обеспечивал короткий проход (тамбур) в керне из валунов, окружавшем погребальную камеру. Плита пола погребальной камеры уложена между ее вкопанными стенами. Стены прохода обрамляют две плиты, приставленные торцами к торцам боковых плит погребальной камеры. Таким образом, конструктивно и функционально дольмен как тип погребального сооружения состоит из трех основных элементов: погребальной камеры, предназначенной для постоянного хранения останков умерших, каменного керна, придававшего погребальной камере прочность и тамбура перед фасадной плитой с отверстием, который служил проходом в керне и позволял использовать погребальную камеру многократно.

Главной конструктивной особенностью дольмена «Шепси» является отсутствие какого-либо фундамента под плитами стен погребальной камеры и тамбура, которые были вкопаны на разную глубину.

В погребальной камере дольмена обнаружены останки приблизительно 20 человек разного пола и возраста. Судя по первым результатам сравнительного анализа содержания изотопов стронция $^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$ в зубах пяти погребенных и в местном природном фоне, все пятеро – местные по происхождению. Погребения совершались последовательно, с интервалом, достаточным для полного или частичного разложения тканей и связок предыдущих погребенных, фрагменты тел которых перемещали к стенам камеры для освобождения пространства для очередного покойника. Первоначальную позу удалось проследить только у двух наиболее ранних погребенных. В обоих случаях они лежали в сильно скорченном положении на правом боку, головой к входу в камеру, – относительно сторон света – на ЮВ. Среди костей погребенных встречены фрагменты алой охры.

Вместе с останками в камере дольмена найден погребальный инвентарь, в состав которого входят фрагменты пяти сосудов, маленький бронзовый нож, спиральное кольцо, обломки роговых булавок, орнаментированная подвеска из гальки и несколько овечьих альчигов.

По технологии изготовления, отделке и типологическому составу керамика из дольмена «Шепси» ближе всего лепным чернолощеным высокогорлым горшам и мискам из гробниц и погребений новосвободненского типа.

Результаты радиоуглеродного датирования показали, что дольмен «Шепси» использовали около двухсот лет, приблизительно между 3200 и 2900 гг. до н.э.

Типологические особенности конструкции дольмена «Шепси», найденные в его погребальной камере типы инвентаря, датировка периода использования дольмена и особенности погребального обряда позволяют сделать несколько прямых выводов, а также сформулировать гипотезу о единстве происхождения «классических» дольменов и «двухкамерных» гробниц новосвободненского типа.

Можно считать установленным, что трапециевидные в плане дольмены и «двухкамерные» гробницы новосвободненского типа появляются на С-З Кавказе одновременно.

Общими элементами в конструкции этого класса наземных гробниц является способ установки плит стен путем их вкапывания, без возведения плиточного или ленточного фундаментов, как это характерно для дольменов более позднего времени. Оба типа гробниц имеют одну погребальную камеру с «вложенным» полом и фасадной плитой с отверстием и пробкой. К погребальной камере пристроена дополнительная конструкция (тамбур), обеспечивающая многократный доступ к ней. Камеру и тамбур всегда окружает каменный керн.

Учитывая, что гробницы новосвободненского типа известны только там, где ареалы майкопской и дольменной культур частично перекрывают друг друга (СЗ Кавказ), синхронность и типологическая близость ранних дольменов и гробниц новосвободненского типа может означать, что формирование новосвободненского варианта майкопской культуры является результатом пограничного контакта последней с формирующейся на СЗ Кавказе культурой, практиковавшей коллективные погребения в дольменах или других близких типах коллективных гробниц. К таким ранним памятникам на южном склоне Кавказского хребта, кроме дольмена «Шепси», относится гробница «Псыбе» (Тешев, 1981). В обоих случаях – это коллективные погребения с инвентарем майкопского и новосвободненского типов, причем гробница «Псыбе» по конструкции приближается к стандартам гробниц новосвободненского типа, а трапециевидный дольмен «Шепси» сочетает признаки и дольменов, и гробниц.

В целом, оба памятника являются новыми ориентирами для реконструкции культурно-исторической ситуации рубежа IV–III тыс. до н.э., в которой возникновение традиции погребальной мегалитической архитектуры обязано, главным образом, своеобразию регионального культурного развития, а не сверхдалним миграциям из далеких от Кавказа уголков Европы или Азии.

Ю.Л. Щапова
(МГУ, Москва)

БРОНЗОВЫЙ ВЕК В МАКРОМАСШТАБНОЙ МОДЕЛИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭПОХИ

Числовая модель хронологии и периодизации археологической эпохи (АЭ) основана на числах Фибоначчи (1170–1228). Эта, исчисляемая в тысячелетиях, Фибоначчиева модель археологической эпохи (ФМАЭ) представляет эволюцию, развитие, хронологию и периодизацию АЭ на всем ее протяжении (табл. 1).

Таблица 1. ФМАЭ хронологии и периодизации

6765–4181– 2584 –1597–987–610–377
1597–987 – 610 –377–233–144–89
377–233–144– 89 –55–34–21
89–55– 34 –21–13–8–5
21–13– 8 –5–3–2
5–3–2–1–0
2–1–0–1*(–2)

Система «трех веков» (описываемое ею время – **2584 тыс. л. до н. э. – 1 тыс. л. н.э.** – выделено жирным шрифтом) включает 20 периодов. В структуре АЭ семь АСЭ (описываемое ею время, 6765 тыс. л. до н. э. – 2 тыс. л. н. э.) включает 37 периодов. АСЭ бронзового века, соответствует шестая строка. Колонка из трех строк (2 тыс. до н. э.) разделяет АСЭ бронзы: левая часть синхронна АСЭ неолита, правая – АСЭ железного века. Первый период 5–3 тыс. л. до н. э. – общепринятый энеолит. В структуре АЭ – это скрытая фаза и время становления субъекта АСЭ бронзы. Второй и третий периоды – 1 тыс. л. до н.э. – явная фаза эволюции АСЭ бронзы, четвертый период – 1 – до н. э. – скрытая фаза ее инволюции.

Подчеркну: фазы, скрытые и явные, и субъект АСЭ, принимаемые во внимание, – это факторы эволюции, ее собственной и материального производства соответствующего уровня сложности. Уровень сложности организации субъекта и/или материальной культуры как системообразующий фактор в эволюции АЭ является абсолютной новизной.

Археологическая эмпирика свидетельствует, что субъект АСЭ неолита имел разную историю, несмотря на одинаковую сложность организации. Приводимый вариант ФМАЭ актуален для территорий ойкумены, заключенных в пределах 24–40° северной широты (Б.Б. Пиотровский), и связанных с нею азиатского Юга и Юго-Востока. Есть еще три сценария (табл. 2).

Таблица 2. Эволюционные сценарии прото- и исторических АСЭ

Название АСЭ	Типы сценариев			
	полный ¹	расширенный ²	редуцированные ³	
Неолит	21–13–8–5–3–2	21– 13–8–5–3–2–1	13–8–5–3–2– 1 ⁴	13–8–5–3–2 ⁵
Бронзовый век	5–3–2–1–0	5 – 3 – 2 ⁶	5 – 3 – 2 ⁷	5 – 3 – 2 ⁶
Железный век	2–1–0–1	2–1–0–1	2–1 –0–1	нет
Золотой век				2–1 –0–1

Из табл. 2 следует, что уровень сложности АСЭ неолита потенциально содержит идея обращения к металлам. Сценариев перехода к металлоносным АСЭ три: закономерный переход от полномасштабной металлообработки и металлургии цветных металлов – к черным; переход к черной металлургии и металлообработке через редуцированную – цветных, и переход к металлообработке и металлургии драгоценных металлов через ре-

¹ Ближний Восток, Малая Азия, Африка, Европа (континент), Юго-Запад Восточной Европы, Южная Сибирь.

² Европейское Приморье (атлантическое, североморско-прибалтийское), Северо-Восток Восточной Европы, Зауралье.

³ Северная Евразия и Америка.

⁴ Восточная Сибирь, Приморье.

⁵ Америка (Северная, Южная, Месоамерика).

⁶ Не завершенное по внешним причинам развитие.

⁷ Предполагаемый вариант развития.

дуцированную – цветных. О названии «нового» века. Используя как ближайшую аналогию название и термин энеолит, век, для которого камень был основным материалом для орудий и оружия, а драгоценные металлы, самородное золото и серебро, «обслуживали» непроектную сферу, он мог бы «носить имя» аргеролит, хрисолит или ауrolит.

Таким образом, макромасштабное моделирование АСЭ неолита, бронзы и железа обнаружило «новый век» и другую принципиальную новизну АЭ.

Сокращения

АлтГУ	– Алтайский государственный университет, Барнаул
ГИМ	– Государственный исторический музей, Москва
ГМИНВ	– Государственный музей искусства народов Востока, Москва
ГосНИИР	– Государственный научно-исследовательский институт реставрации, Москва
ИА НАН Украины	– Институт археологии Национальной академии наук Украины, Киев
ИА РАН	– Институт археологии РАН, Москва
ИАЭТ СО РАН	– Институт археологии и этнографии РАН, Новосибирск
ИВ РАН	– Институт востоковедения РАН, Москва
ИГГД РАН	– Институт геологии и геохронологии докембрия РАН, Санкт-Петербург
ИИМК РАН	– Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург
МГУ	– Московский государственный университет им. М.В. Ломносова, Москва
ОГПУ	– Оренбургский государственный педагогический университет, Оренбург
РУДН	– Российский университет дружбы народов, Москва
ЮНЦ РАН	– Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону

**Цивилизационные центры и первобытная периферия в эпоху раннего металла:
модели взаимодействия.**

Тезисы докладов круглого стола, посвященного памяти Н.Я. Мерперта.

Научное издание

Верстка: *С. В. Кожушков*

Подписано в печать 25.01.2013. Формат 60 × 84 ¹/₈
Усл.печ.л. 4,65. Уч.-изд.л. 4,2. Тираж 120 экз.

Институт археологии РАН
117036 Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

ISBN 978-5-94375-143-1

9 785943 751431